

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАН РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ - ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 1 раз в месяц

Адрес редакции и конторы: 7 East 15th St., Room 407, New York 3, N. Y.

Bureau en France: 11, rue Royale, Paris, 8

37-й год издания
№ 11 (711)

Нью-Йорк - Париж
Ноябрь, 1957

Цена: в США 35 центов
En France 50 Fr.

СО Д Е Р Ж А Н И Е :

Р. А.: «Спутники» и мировое положение
ОКТАБРЬ 1917—1957

Р. Абрамович: 40 лет тоталитарного «прогресса»

С. Шварц: Россия-СССР становится промышленной страной

Сталин о маскировке «наступательных действий»

В. Александрова: К 40-летию Октября

Н. Ясный: Юбилейные торжества и фальшивая статистика

Ю. Денике: Необходимая коалиция

Л. Блит: Британская рабочая партия на подъеме (Письмо из Лондона)

Северин Бялер: Формирование гомулкоизма

Р. А.

“СПУТНИКИ” И МИРОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

В бурных дискуссиях, которые еще велись весной 1920 года между меньшевиками и большевиками о характере русской революции и советского режима, отец красной армии Троцкий неизменно приводил довод, который казался ему и его коммунистической аудитории совершенно неотразимым: «Если б наш режим был такой скверный, как вы изображаете, — говорил он, — то каким образом такой режим мог бы создать превосходную и победоносную армию?!» Демонстрация военной мощи в качестве аргумента за превосходство советского строя была в планетарном масштабе произведена 37-ю годами позже, когда 4-го октября с. г. в небо был запущен «Спутник» № 1, а 3-го ноября еще более тяжелый «Спутник» № 2.

То была демонстрация не только военной техники, но и одновременная демонстрация больших научных достижений. «Спутник» должен был доказать всем маловеерам и скептикам, что коммунистический СССР догнал и обогнал Америку, самую передовую страну мирового капитализма. Из состязания между социализмом и капитализмом в области науки и техники победителем вышла «страна социализма».

Нужно ли еще лучшее доказательство превосходства советской системы и советского строя?

Не может быть ни малейшего сомнения в том, что эта демонстрация произвела огромное впечатление во всем мире. Никакой пропагандой, никакими речами,

никакой статистикой нельзя было бы даже в самой отдаленной степени довести до сознания всех грамотных людей во всем мире, что СССР стал ведущей страной на земном шаре. И все те, которые понимают, какую большую роль играют психологические моменты в настроениях народов, не смогут отрицать, что «Спутник» явился большой моральной победой для преемников Сталина.

Конечно, если спокойно и трезво проанализировать, в чем именно состояли научные и технические предпосылки этой победы, то итоги будут совсем не такие уже разительные. На деле нет ни одного научного или технического элемента, связанного со «Спутником», которым бы не обладали и США, и если бы американское правительство действительно стремилось к тому, чтобы США первые запустили в небеса сделанный человеческими руками спутник, то они смогли бы без особенного напряжения это сделать. Надо было только отказаться от примата экономики, ассигновать на этот проект не 120 миллионов, а миллиард и дать ему промышленный приоритет, и американские ученые и инженеры могли бы еще задолго до 4-го октября дать земле первого спутника.

Дело, стало быть, было не в отсталости американской техники и науки, а в недостатке воли к борьбе в этой области с Советским Союзом. Конечно, американ-

ский спутник был бы гораздо меньше и легче спутников. Это не имело бы, однако, ни малейшего научного значения, поскольку инструментировка его была бы не хуже советских, но больший вес советских «Спутников», в особенности второго, продемонстрировал перед всем миром самое важное достижение СССР с военной точки зрения: то обстоятельство, что советские инженеры смогли бросить в мировое пространство массу в 1,100 фунтов, в то время, как Америка была бы в состоянии запустить всего только несколько десятков фунтов, является несомненным доказательством того, что Советский Союз построил ракетные моторы такой мощности, каких США еще далеко не построили. А это, в свою очередь, является почти несомненным доказательством того, что СССР подошел гораздо ближе к массовому производству межконтинентальных баллистических снарядов с водородным зарядом, чем США.

Это было понято и правильно истолковано в целом ряде стран, которые до сих пор принадлежали к лагерю демократической коалиции, возглавляемой НАТО. Произведенный американской газетой «Геральд Трибюн» пробный опрос населения в 11 странах показал, что некоторые из них, поставленные перед дилеммой — подвергнуться водородному уничтожению или добровольно принять советскую оккупацию — предпочли бы последнюю верной гибели.

Нужно отдать справедливость кремлевским правителям, что они очень искусно использовали психологический эффект своих «научных» побед и сильно выросшего престижа для достижения очень мало научных, но зато весьма практических дипломатических и стратегических целей.

В первую очередь «Спутник» № 1 заглушил и парализовал активность США и их союзников в борьбе против советской инфильтрации в Сирии. Как люди практические, они, однако, не полагались только на психологический эффект своего «Спутника», а еще за несколько дней до 4-го октября подняли бешеную кампанию против Турции, обвиняя ее в агрессивных намерениях против Сирии и грозя Турции полным уничтожением.

И чтобы сделать положение еще более наглядным и угрожающим, советские войска как раз в этот самый момент стали производить маневры вдоль советско-турецкой границы.

Не давая противникам передохнуть, Громыко на общем собрании ООН организовал блок, который с бешеной энергией требовал немедленных шагов для укрощения Турции и стоящей за нею Америки. В общественном мнении мира создалось впечатление серьезной угрозы войны, и это впечатление усилилось опять-таки тонко рассчитанным шагом Москвы, сорвавшей работы комиссии по разоружению полным отказом от каких-либо уступок в занятой ею позиции.

Нужно признать, что стратегия Кремля удалась. Вместо того, чтобы защищаться от весьма обоснованного обвинения в том, что большевистские агенты произвели внутренний переворот в Сирии, захватив армию в свои руки; и что они затем стали посылать туда целую армию инструкторов и огромное количество ору-

жия, что явилось полным нарушением тех обещаний, которые давались Кремлем об отсутствии у него каких-либо агрессивных намерений в отношении Ближнего Востока, — Громыко и Хрущев выступают в роли возмущенных прокуроров и защитников национальной независимости Сирии, угрожаемой якобы турецкими и американскими поджигателями войны. Теперь уже не может быть речи о том, чтобы в ООН была принята резолюция, осуждающая советскую тактику инфильтрации на Ближнем Востоке. Наоборот, теперь Америке и Турции приходится защищаться от абсурдных обвинений во вмешательстве во внутренние дела народов Ближнего Востока.*

Американский представитель в ООН очень метко охарактеризовал создавшееся положение. Указывая на Громыко, он заявил: «Вот стоит профессиональный поджигатель, который обвиняет других в поджоге». Но Сирию Кремль все-таки забрал в свои руки. И из этих цепких объятий ее уже никто не вырвет.

Картина мирового положения была бы, однако, неполной и односторонней, если бы мы не отметили и факторов, действующих в обратном направлении. Прежде всего, как это было в момент коммунистического вторжения в Южную Корею, неожиданное и непредвиденное нападение вызвало естественную и здоровую реакцию в США. Нам неоднократно уже приходилось подчеркивать характерную черту того народа и того правительства, которое большевистская пропаганда все время изображает, как ненасытного агрессора и поджигателя войны. В мире нет другого правительства могучей страны, которое с таким отталкиванием относилось бы ко всякой мысли с подготовкой агрессии или развязывании войны или даже хотя слишком энергичной подготовке обороны.

Эра генерала Эйзенхауэра была на деле, если не на словах, самой пацифистской, самой анти-военной и самой пассивной в истории США за последние десятилетия с момента окончания первой мировой войны. Демократы не напрасно обвиняют республиканскую партию в том, что она иногда прикрывая это крепкими словами, на деле вела политику одностороннего разоружения в тот самый момент, когда СССР продолжал, не покладая рук, с нечеловеческой энергией все больше и больше усиливать и свою армию и свой военно-технический потенциал. Забота о «здоровых финансах», о «балансированном бюджете» играла первую роль не только во внутренней, но и во внешней политике Эйзенхауэра и его кабинета.

Деловые люди, крупные промышленники, финансисты, занимавшие наиболее ответственные посты, были

* Нам кажется, что подлинной причиной похода именно против Турции является то обстоятельство, что в Турции американцами была построена сеть новой системы радара, который дает возможность прямого наблюдения за небом СССР на расстоянии более тысячи миль. Естественно, что Кремль этим очень недоволен и хочет найти путь, чтобы заставить Турцию угрозами и шантажом закрыть это «окно в СССР».

глубоко убеждены в том, что основой сильного государства являются хорошие финансы. И так как они в глубине души были убеждены, что лучше и сильнее Америки нет страны, то они относились с суверенным презрением к московским варварам, которые не в состоянии изготовить даже приличного автомобиля. Бывший министр обороны Чарльз Вильсон, в прошлом главный директор «Дженерал Моторс», знал, что Москва бездарно копирует замечательные машины его фирмы, и потому он был убежден, что и в военной промышленности большевики занимаются копированием американских образцов. Он не знал, что тоталитарные диктатуры, для которых человек и его потребности ничто, а оружие все, могут производить очень плохие автомобили, скверную обувь и строить очень мало и очень плохие жилища для населения, но в то же самое время способны производить отличные танки, превосходную артиллерию и более совершенные межконтинентальные снаряды, чем даже великая Америка.

Благодаря этому, администрация Эйзенхауэра замедлила свои усилия к овладению самой современной техникой, до самого последнего момента урезывала кредиты на межконтинентальные баллистические снаряды, и с прохладцей работала над подготовкой «сателлита» к «международному геофизическому году» и — очутилась у разбитого корыта в тот момент, когда на небе засияла красная звезда первого «Спутника».

Люди, не живущие в США, не могут себе представить, как сильна была в народе, среди самых простых людей, реакция на «позорное поражение Америки». Жившая в каждом спелном американце глубокая укоренившаяся вера, что Америку никто не в состоянии обогнать, что она является и останется авангардом в мировой науке и мировой технике — оказалась иллюзией. Чувство обиды, разочарования и страха овладело широкими слоями американского общества. И этот шок немедленно стал вызывать благожелательную реакцию.

Новый министр обороны немедленно перешел к мобилизации сил ученых, техников, специалистов в отсталых областях; были восстановлены отмененные уже ассигновки на научные работы, состоялась встреча Эйзенхауэра с Макмиланом об объединении знаний и ресурсов больших союзных стран. Словом — Запад получил сильное подкожное впрыскивание после той встряски, которую он получил от советских успехов.

Как мы уже указывали, Запад, в частности США и Англия, имеет в своем распоряжении все элементы для восстановления поколебленного мирового равновесия сил. Нужно их только поставить на свое место, нужно активизировать усилия, и тогда равновесие может быть восстановлено, — то равновесие, которое делает невозможным переход мировой гегемонии к СССР.

Это тем более важно, что в самом СССР теперь обнаруживаются симптомы каких-то еще не совсем ясных, но несомненных напряжений.

То обстоятельство, что как раз в то самое время, как на мировом горизонте ярким светом засияли советские спутники, на политическом горизонте СССР внезапно и без всякого предупреждения потухла звезда самого знаменитого и влиятельного военного героя

СССР, маршала Жукова, является, вероятно, случайным совпадением во времени. Но вся обстановка падения Жукова полна такой необычностью, окружена до сих пор такой таинственностью, что приходится думать, что это не шаблонная, банальная опала советского временщика. В царстве датском что-то неладно.

Мы еще не знаем целого ряда фактов, и придется подождать, — прежде чем делать политические выводы из уже известной нам информации. Внешняя связь событий как будто ясна.

По мере приближения ноябрьских торжеств, на которых главную речь должен был произнести Жуков, но вероятно уже задолго до этого в Президиуме начались какие-то трения, в центре которых стояла личность Жукова по вопросу о взаимоотношениях между армией и партией. Судя по многочисленным острополюемическим статьям с неназванным противником, партийные органы и Политотдел армии вели ожесточенную кампанию против каких-то предложений Жукова, нигде прямо не цитированных. Конфликт этот обострился в такой степени, что Жуков решил принять «меры». Где то, в правящем ядре Президиума был организован маленький заговор, к которому были привлечены, как видно теперь, маршал Малиновский, Ворошилов, председатель Президиума В. С., и маршал Иван Конев. Было решено действовать не прямо, а обходом (чего-то все-таки заговорщики опасались!). Жукова услали в Югославию и Албанию с почетным поручением, а его отсутствием воспользовались, чтобы наладить и подготовить все «совершившиеся факты». Втихомолку было поручено Ворошилову утвердить отставку Жукова и его замену Малиновским, в Президиуме собрали нужное большинство, убрали всех ненадежных, заменив их надежными, и продержали Жукова в полном неведении только до самого его возвращения в Москву. Тут на аэродроме его встретила заранее подготовленная делегация, и только когда он был в надежном «окружении», ему сообщили, что он отставлен от должности, исключен из Президиума и ЦК, и что ему остается только беспрекословно подчиниться воле партии.

Только после этого начались какие-то заседания с его участием. Подобно Молотову, Маленкову, Кагановичу и др., он купил неисключение из партии, что означало бы полную гражданскую смерть, признанием «своих ошибок» и голосованием за собственную политическую ликвидацию.

Теперь поверженного в прах, разбитого и бессильного «Бонапарта» стали публично развенчивать его же собственные старые «друзья» и «сотрудники», как маршал Иван Конев. С его головы сдирают лавровый венок, его втаптывают в грязь, как человека и воина. Повторяется, — в другом варианте — все то, что делал в более варварской форме Сталин с теми, которые ему чем-либо мешали.

Весьма вероятно, что история с Жуковым останется только одним из многочисленных эпизодов в борьбе за власть на верхушке компартии, но не исключено, что она будет иметь более серьезные последствия. Об этом можно будет судить только тогда, когда наша информация будет значительно полнее. Но одно несомненно: Хрущев сделал еще один шаг вперед, к единоличной власти.

Р. АБРАМОВИЧ

40 ЛЕТ ТОТАЛИТАРНОГО «ПРОГРЕССА»

Великий социалистический трибун Жан Жорес, изучая историю французской революции, пришел к заключению, что «революция — это варварская форма прогресса». Это определение было полностью приложимо к буржуазно-демократическим революциям старого типа, до первой мировой войны. Это было верно по отношению к «Славной» английской революции 17-го века, к французской революции конца 18-го века и к серии европейских революций 1848 года. Большие революции, связанные не только с политическими, но и с социальными сдвигами, потрясениями, сопровождаемые периодами террора и гражданской войны, всегда были кровавые (варварские). Но в них рождался новый общественный строй, более прогрессивный, несущий народам освобождение от феодального рабства, от политического гнета, от социального порабощения, приносящий им более высокий экономический строй, больше политической, социальной и человеческой свободы и более широкие возможности материального и культурного подъема. При всей своей ограниченности лозунги французской революции — «свобода, равенство и братство» — не были обманом. В них заключалась большая историческая правда. И этот прогресс в форме нарождения нового, более высокого общественного строя оправдывал «варварство».

Но, начиная с октябрьской революции 1917 года, мы имеем новый феномен в истории человеческого общества: революцию, превзошедшую по своему варварству все, что до сих пор было в истории современного человечества, но не создавшую высшей формы общества, которая могла бы, хотя бы в малейшей доле, оправдать это варварство.

Теперь, оглядываясь назад, мы уже знаем, что большевистская революция была первой в серии тоталитарных революций 20-го века. Это — революции, которые возникают при особенном стечении обстоятельств и в которых власть попадает в руки одной партии меньшинства, организованной на тоталитарных началах почти военной иерархии и которая господствует над большинством народа методами террора. Не допуская никаких видов свободной самостоятельности или свободной организации народа в какой бы то ни было области и, создавая методами самой современной техники аппарат принуждения, с которым никакой народ, атомизированный и лишенный организации, внутренними силами справиться не может, эта партия формирует всю жизнь страны, ее экономический строй, ее социальные отношения, ее культурную жизнь, ее информацию, ее сношения с внешним миром и, в особенности, ее внешнюю политику. Обычно идеология господствующей партии построена на авторитарных началах, проникнутых анти-демократическим духом, несмотря на широкообещающие программы.

Партия с величайшим презрением и недоверием относится ко всему народу, даже к тем классам и группам населения, на которые она официально опирается и считает их исторически несовершеннолетними, неспособными самим защитить свои подлинные ин-

тересы и осуществить свои собственные желания, стремления и идеалы. Для Ленина рабочий класс, диктатуру которого он якобы пытался осуществить (и в известные моменты искренне верил, что он именно это делает), уже в 1902 году был классом, недоросшим до понимания сути социализма, неспособным до него доработаться самому и могущим максимум дойти до идеи тред-юнионизма, т. е. до требований более короткого рабочего дня и более высокой зарплаты. Представление же о социализме, как о высшей исторически данной общественной форме, должна была внести в рабочий класс революционная социалистическая партия, т. е. по существу рабочелюбивая интеллигенция, обладающая нужным историческим горизонтом и теоретическими познаниями.

Для Гитлера, для которого высшим в мире был германский дух, германская раса, глупый Михель, однако, на деле был неспособен осознать свои интересы и осуществить национал-социалистический строй. Это история резервировала для национал-социалистической партии в лице ее пророка и фюрера Гитлера. Только нераздельная и безграничная власть фюрера, при полном повиновении и послушании всех немецких людей могли обеспечить выполнение этой исторической миссии.

Аналогичное представление о своей мировой исторической миссии и о пути к ее выполнению было и остается одним из самых основных символов веры большевизма и мирового коммунизма. Партия Ленина призвана осуществить полный коммунизм в СССР в кратчайший срок, принудить к его осуществлению подвластные ей сателлиты и принести его всему миру на штыках красной армии или, вернее, на водородных зарядах своих межконтинентальных баллистических снарядов.

Оставляя в стороне муссолиниевский фашизм, который оказался историческим недоноском движения к восстановлению под знаменем фашизма великой римской империи древности, — можно указать на целый ряд заметных параллелей между московским большевизмом и гитлеровским национал-социализмом, который, несомненно, был скопирован с московского образца, но до конца в этом не успел. Мы не можем здесь заниматься более детальным рассмотрением этих аналогий. Но было одно чрезвычайно важное различие, в частности между нацистской Германией и большевистской Россией. К моменту прихода Гитлера Германия была уже одной из самых индустриализованных и технически высоко развитых стран в Европе. Гитлеру не надо было создавать фабрик, на которых строились «Штуки», «Юнкерсы», свои подводные лодки и свои ракеты V-2. Большевикам же понадобилось почти три десятилетия, чтобы достигнуть примерно того же технического и промышленного уровня, на который Гитлер мог опереться при своем приходе к власти.

«Объективные люди», в особенности среди иностранцев часто указывают на то, что необходимость индустриализовать отсталую Россию является исто-

рическим оправданием диктатуры, без которой, по их мнению, эта историческая задача, давно назревшая в России, не могла быть выполнена в короткий срок. И даже человек, доработавшийся до отрицания коммунистической диктатуры и смело выступивший против этого господства нового класса, как Джилас в исторической части своей книги, говоря о России, также ссылается на то, что историческим оправданием диктатуры в России является потребность в индустриализации.

Русскому читателю не надо доказывать, что это «историческое оправдание» притянуто за волосы. Если иные иностранные писатели утверждают, что к моменту прихода большевизма Россия была совершенно примитивной страной, — то это является только продуктом абсолютного невежества. Мы можем отослать наших читателей к помещаемой в этом же номере статье С. Шварца «Россия-СССР становится промышленной страной». Его основной тезис, что если бы демократические силы февральской революции остались у власти и в октябре Ленин не произвел бы своего переворота, то тот процесс быстрого промышленного развития, который в России уже шел полным ходом после 1905 г. и темп которого очень бы ускорился после устранения романовского самовластия, то Россия была бы сейчас, вероятно, в общем и целом не на более низком, а на более высоком уровне промышленного развития, чем нынешний СССР.

Но в одном можно быть абсолютно уверенным: та промышленность, которая была бы в демократической России, в бесконечно большей степени, чем сейчас, шла бы на удовлетворение потребностей народов России, на повышение уровня их жизни, на обеспечение им большей зажиточности, большего довольства, лучших жилищ, путей сообщения и обслуживания их потребностей в отдыхе, в развлечениях, в путешествиях.

Все ресурсы страны не уходили бы на обслуживание Молоха тяжелой индустрии, т. е. в основном на создание в кратчайший срок наиболее могущественного военно-технического потенциала за счет недооказания населения, за счет лишения его самого необходимого, за счет недопроизводства предметов широкого потребления. Если сейчас в СССР тяжелая промышленность дает 70,6% валовой продукции, а легкая только 29,4%, то в дореволюционной России тяжелая промышленность занимала 33,3% валовой продукции, зато легкая — 66,7%. То была промышленность, работавшая на удовлетворение потребностей человека, а не для создания военно-технической базы на предмет завоевания мира.

**

Поставив себе основной целью, создать, под псевдонимом «строительства социализма в одной стране», базу для завоевания мира для коммунизма, большевики с характерной для них нечеловеческой энергией и последовательностью шли к этой цели через Монбланы трупов и океаны крови, — и до сих пор, через сорок лет неисчислимых страданий и мучений для населения, не смогли дать народным массам и в отдаленной степени того уровня жизни, комфорта, культуры, свободы, человеческого достоинства и счастья, которые

могла бы принести народам России революция демократическая и социалистическая, для которой социализм для человека, а не человек для социализма.

Ленин, конечно, искренне считал себя марксистом и, вероятно, человеком, который лучше всего и правильнее всего истолковал учение великого учителя. Но на самом деле все, чему Ленин учил уже до революции 1917 года и все, что он делал после этой революции шло в разрез с духом учения Маркса. В 1920 году Ленин как-то сказал, что тот факт, что они существуют уже почти три года, является чудом истории. С точки зрения марксизма чудом истории было бы не то, что четверть миллиона человек захватили в момент смуты и войны власть в свои руки (такие вещи случались в истории не раз), а то, что эта власть оказалась бы в состоянии в отсталой стране повести народ по пути подлинного социализма. Но именно этого, — настоящего чуда, — и не случилось, ибо не могло случиться. Что произошло и чего Ленин не предвидел — это создание того нового типа общества, о котором мы уже говорили. Тоталитарная диктатура переняла у социализма и осуществила негативную часть его программы: отмену системы капитализма и уничтожения буржуазных классов в его исторически данной форме. Но она оказалась не в состоянии хотя бы в малейшей степени осуществить **положительную** часть программы социализма, как его понимал Маркс, да и сам Ленин до 1917 года. Ибо для Маркса и в его общем философском мирозерцании и в его понимании даже той пролетарской диктатуры, о которой он, действительно, в молодости говорил, основным являлся принцип, что мерилом всех вещей является человек. В своей Критике Философии права Гегеля он писал: «Для человека высшим существом (критерием) является человек». Не отвлеченный Всемиренный дух, как у Гегеля, не Высший разум, а человек, — реальные люди, реальные народы с их страданиями и радостями, с их интересами и борьбой за них, с их стремлением к лучшей и высшей форме жизни. В этом он, как и Энгельс, был в полном согласии с Фейербахом, когда тот писал при всеобщем одобрении всей группы Маркса, что «мерой вещей является человек».

Но именно это Ленин фактически и во всей своей практике и во всех своих устремлениях категорически отрицал. Для него мерой вещей являлся в действительности не человек, не рабочие и крестьяне, не народы России, а витавший гд-то на расстоянии многих десятилетий «Всемиренный дух», требовавший, как Молох, человеческих гекатомб во имя того социализма, который должен будет прийти через много поколений, не давая пока конкретному народу, конкретному человечеству решительно ничего, кроме жертв, жертв и жертв.

То чудо истории, о котором говорил Ленин, было предусмотрено никем иным, как Энгельсом. Но Ленину, который, конечно, хорошо знал работы Энгельса, в тот момент не хотелось проводить напрашивающуюся параллель. Вот что писал Энгельс в своей работе о крестьянской войне в Германии, написанной еще в 1850 году:

«Самое худшее, что может приключиться с вождем крайней партии, это — быть вынужденным

взять власть в эпоху, когда движение еще не созрело для господства того класса, который он представляет, и для осуществления тех мер, которые с этим господством связаны. То, что он в состоянии осуществить, зависит не от его воли, а от... степени развития материальных средств существования, производственных отношений, средств сообщения... То, что ему **полагалось бы** осуществить, и чего его партия от него требует, зависит опять-таки не от него, а от степени развития классовых отношений»...¹

Другими словами, — писал Энгельс, — революционный вождь в этих условиях попадает в трагическое положение: он должен делать вещи, которые противоречат его собственному учению, но к которым его вынуждает положение дел. Ему на деле приходится выполнять не программу своего движения, а представлять интересы совершенно другого, чуждого класса, того, время для господства которого созрело, кормя в то же время свой собственный класс обещаниями и уверениями, что интересы этого чуждого класса являются его собственными интересами.

Энгельс свое предостережение заканчивает констатацией: «Кто попал в такое положение — тот безвозвратно погиб».

Это предостережение Энгельса имеет два аспекта: такая революционная партия может погибнуть физически, раздавленная превосходящими силами вражеских классов. Так погибли обычно все известные нам в истории утопические революции — Бабеф во Франции, Иоанны Лейденские, христианские коммунисты в Англии в 17-м веке и др. Но если бы такая утопическая власть каким-либо чудом уцелела, то предсказания Энгельса означает, что она должна будет погибнуть морально: она должна будет систематически предавать интересы своего класса в угоду другому «чуждому» классу, интересы которого удержавшаяся у власти революционная партия вынуждена будет представлять и защищать перед своим собственным классом, обманно утверждая, что это и есть его подлинные интересы.

Трудно более точно описать эволюцию большевистской партии, чем это сделал Энгельс свыше ста лет тому назад в своем пророческом анализе. Мир теперь уже точно знает, что это за «чуждый класс», интересы которого представляет большевистская диктатура. Конкретному описанию этого класса в Югославии посвящена примечательная книга Джиласа, за опубликование которой он заплатил приговором на десять лет одиночного заключения.

**

Для того, чтобы скрыть этот факт, для того, чтобы не дать рабочим и крестьянам России понять, что их систематически обманывают, что им рисуют совершенно ложную картину мира да и внутреннего состояния самой России, понадобилось создать фальсифицированную систему информации, насквозь лживую пропаганду и для этого построить чудовищный аппарат дезинформации и лже-информации, лже-пропаганды, ввести нигде не виданную цензуру, специальный под-

бор книг в публичных библиотеках (первая тенденциозная чистка народных библиотек была произведена еще в 1923 г. специальным циркуляром за подписью Крупской и при «либеральном» комиссаре народного просвещения Луначарском). С тех пор эта система была доведена до такого совершенства, как нигде в мире.

Но этого было мало. Обманутых жителей СССР надо было все же заставлять в течение четырех десятилетий отдавать свой труд, свой пот, очень часто свою жизнь, свое здоровье на построение той базы, о которой мы выше говорили. Надо было преодолеть их естественное и законное сопротивление, и для этого понадобился жестокий, невиданный в истории современного человечества террор, с которым сравниться с моральной стороны может только террор нацистский, но которого по количественному объему Гитлер превзойти не успел.

Когда Ленин своим авторитетом и своей напористостью сорвал в ноябре 1917 г. попытку Викжеля создать однородное социалистическое правительство из всех партий от большевиков до н. с., за которое тогда почти единогласно высказался петербургский пролетариат и почти половина ближайших сотрудников Ленина, то он не только предрешил разгон Учредительного Собрания, но и, вопреки предостережению части самой большевистской головки уничтожил единственный путь к предотвращению гражданской войны. Он отбросил Викжель, а затем и Учредительное Собрание и с открытыми глазами пошел на гражданскую войну, потому что не хотел никакого ограничения своей власти, потому что не хотел примириться с построением демократического государства, с сильным социалистическим влиянием (ведь в Учредительном Собрании все социалистические партии имели 80% мест), ибо не хотел ограничения программ, ибо ему нужна была мировая социальная революция, и этого он через Учредительное Собрание добиться не мог бы.

В результате на десятом съезде ВКП в марте 1921 г. известный большевик Скворцов-Степанов смог констатировать, не встречая никаких возражений, что большевистское господство за период от 1 января 1918 г. до 1 июля 1920 г. обошлось стране в 7 миллионов жизней, уничтоженных в братоубийственной войне среди крестьян и рабочих, в гражданской войне, развязанной роспуском Учредительного Собрания, в экспериментах скорострельного социализма и т. д. Так создается то чудо истории, о котором писал Ленин. Но он мог бы к этим 7 миллионам жертв прибавить еще 5. То были те миллионы мужчин, женщин, детей, которые погибли от голода в 1921-22 гг., когда советская власть оказалась неспособной ни предотвратить голод, ни спасти его жертвы.

Последним занялась «международная буржуазия» и западные социалисты. И если бы не их помощь, и прежде всего не самоотверженная работа американского «монополистического капиталиста» Герберта Хувера, к списку погибших от голода в эти годы пришлось бы присоединить еще 2-3 миллиона погибших. Но то были цветочки. Ягодки были еще впереди.

После короткого отступления в форме НЭПа, которое предотвратило полную экономическую катастрофу и заодно спасло от гибели и самый советский строй,

¹ См. также статьи «С. В.». Декабрь 1950 г. № 11/12: «Диктатура пролетариата, марксизм и большевизм».

началось новое наступление в виде генеральной линии. На этот раз у руля большевистского Джагернаута, давившего своими колесами миллионы людей, оказался человек еще более жестокий, менее культурный и более беспринципный, чем сам Ленин — Сталин. Число жертв коллективизации и форсированной индустриализации за счет превращения во внутреннюю колонию не только крестьян, но и рабочих, и превращения в подлинных рабов многих миллионов рабочих и крестьян, сосланных в так называемые, исправительно-трудовые лагеря, вероятно, значительно превышает ту цифру, которую Скворцов-Степанов указал для первого периода большевизма². Но затем произошло еще гораздо более ужасное: большевистская диктатура (т. е. Сталин при поддержке значительной части большевистской партии) в погоне за недавней в руки жар-птицей мировой революции, сознательно пошла на развязывание второй мировой войны, ожидая и, как оказалось, не без основания, что такая война вызовет новый тур революций и, следовательно, приведет к неизбежной экспансии мирового коммунизма.

Для того, чтобы осуществить этот план дальнего прицела, Сталину необходимо было, прежде всего, способствовать приходу к власти в Германии крайне националистического правительства, которое подготовило бы войну реванша против системы Версальских договоров. Но для этого ему нужно было выполнить еще одну предварительную задачу, — с корнем истребить в своей собственной коммунистической партии все те элементы, которые могли помешать Сталину в проведении его ставки на победу фашизма в Германии. Пройдя благополучно через эти два подготовительных этапа, Сталин сделал последний вывод: заключил пакт с Гитлером и развязал мировую войну.

Мы обо всем этом столько раз писали в «С. В.» за годы его существования, что нам здесь не нужно подробно описывать и доказывать наших утверждений.³ Но это значит, что к счету, который история предъявит большевистской диктатуре в СССР, нужно будет приписать еще изрядное количество миллионов жертв, за которые несет ответственность не только Гитлер, но в той же и даже большей мере и Сталин и его теперешние наследники. Отрекаясь от злодеяний Сталина по отношению к коммунистам, они ни одного слова не проронили об ответственности Сталина за войну и те десятки миллионов погубленных человеческих жизней, которые лежат и на их совести.

**

Опыт двух больших тоталитарных диктатур — Гитлеровской и советской — доказывает, что такая диктатура, забравшая в свои цепкие руки судьбы большого и культурного народа, оказывается в состоянии

² Ведь только организованный Сталиным голод на Украине в 1932-33 гг. унес в могилу 5 миллионов душ.

³ Те из наших новых читателей, которые этим специально интересуются, пусть прочтут статьи Кривицкого в «С. В.» за 1937 г. и статью Б. Николаевского, подводящую итоги всему этому процессу в октябрьском номере «С. В.» за 1957 г.

увеличить и умножить его материальную и военнотехническую мощь до неслыханной степени. Гитлеровская Германия была на самой грани открытия атома еще в 1942-43 гг. и только разрушение англичанами фабрики тяжелой воды в Норвегии сорвало эту работу. Зато они создали наиболее мощную авиацию и свои летающие бомбы. А СССР теперь, в последние годы после войны, сумел в известных областях военной техники нагнать и даже перегнать, — правда, всего на несколько месяцев, но все же! — США.

Но что этот режим сделал для человека? Что имеют граждане СССР от всех этих «гигантских успехов», которые поразили воображение всего мира, кроме удовлетворенного национального самолюбия? Их уровень жизни все еще один из самых низких среди всех культурных народов. Их материальное благосостояние, жилищные условия, обувь, одежда, питание — все это находится до сих пор в жалком состоянии. Но ведь «не хлебом единым жив человек», как утверждает теперь уже и сама власть через литературу. Где свобода? Где равенство? Где достоинство человека? Человеческой личности? Где повышение культуры? Где вся положительная программа социализма, которая отменяла эксплуатацию человека? Где свобода самостоятельности, организаций, печати, собраний — все то, что во всех социалистических программах мира занимало первое место?

Как можно говорить о равенстве в обществе, в котором граждане делятся на две между собою совершенно неравные категории: членов привилегированной монополярной партии, являющейся новым знатным сословием, и всеми прочими гражданами, которые равно никаких прав не имеют, кроме права беспрекословно подчиняться распоряжениям всемогущей партии? Как можно говорить о равенстве в стране, где социальное, политическое и человеческое неравенство гораздо резче выражено, чем в любом демократическом капиталистическом государстве?

Указание на отсутствие повышения человеческой культуры и самостоятельности в СССР хотя бы отразить ссылкой на «Спутник», на неслыханный расцвет науки. Но разве наука вся состоит из баллистики, астрономии, метеорологии и даже атомной физики? Ведь если в некоторых специфических отвлеченных математических и прикладных физических дисциплинах советским ученым, благодаря огромной концентрации сил, людей и средств на небольшом участке человеческого знания удалось достигнуть больших успехов, то в каком состоянии все остальные отрасли человеческого знания? Что происходит в области философии, психологии, биологии, естественных наук, медицины, не говоря уже об истории, праве, социологии, филологии, экономике, литературе и других гуманистических науках? Ведь во всех этих областях, благодаря тяжелому прессу диктатуры, научная свобода и свобода исследования подавлена, доведена почти до минимума и советские ученые в них отстали на десятилетия от того, что делается в Европе и США.

Мы уже не говорим здесь о человеческой личности и ее достоинстве. Как можно говорить об этом в стране, где десятилетиями «правосудие» было построено, на принципе, что сознание обвиняемого является лучшим доказательством его вины, между тем как вся

Россия до малого ребенка знала, что эти сознания исторгаются нечеловеческими пытками, превосходящими все, что знали в Средние Века. О каком человеческом достоинстве может идти речь, когда почтенным ученым на допросах следователи плевали в лицо и, бросая их на пол, мочились им на голову? Где практиковались методы «маникюра», как в России в некоторых тюрьмах называли вбивание раскаленных иголок под ногти связанного обвиняемого. Где старых большевиков, вошедших как герои в историю Октябрьской революции, побоями и пытками заставляли признаваться в никогда не совершенных ими возмутительных преступлениях, которые заставляли угрозами уничтожения их семей обливать себя грязью на показательных процессах. Скажут, что все это прошлое. Нет, лагеря есть и сейчас и никто иной, как бывшая жертва сталинской подозрительности маршал Жуков, снова ставший в последние дни чьей-то жертвой, советскими танками громил венгерских революционеров, боровшихся на баррикадах за положительную программу социализма.

О каком прогрессе можно говорить по отношению к режиму, из которого сейчас исходит единственная угроза миру и всему человечеству, который с систематической нечеловеческой энергией подготавливает самые совершенные орудия массового истребления для

того, чтобы шантажем или прямым нападением подчинить себе весь свободный мир?

Прогресс в области военной индустрии, баллистических снарядов и «спутников» столь же мало является критерием подлинного прогресса, как гитлеровские «юнкерсы» или летающие бомбы были доказательством прогрессивности нации в начале сороковых годов. То была самая совершенная техника для самой низкой и бесчеловечной цели, для покорения себе под ноги других народов путем их массового истребления или угрозы такого истребления.

Какой неослепленный коммунизмом или русским великодержавием демократический человек может считать подлинным прогрессом первый или десятый спутник, даже с живой собачкой в качестве пассажира, подлинным выражением прогресса? Ведь всем известно, что запуск спутника был лишь побочным продуктом подготовки междуконтинентальных баллистических снарядов, ведь все еще помнят, что для создания этих военно-технических достижений понадобилось загубить ни в чем неповинных десятки миллионов русских людей, трупами которых можно было бы выложить все 42,000 километров орбиты Спутника.

Прогресс, купленный такой ценой — варварство, эти Чингис-хан со спутником, а не прогресс гуманитарной цивилизации.

СТАЛИН О МАСКИРОВКЕ «НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ»

Государственный переворот в октябре 1917 года был произведен большевиками под маской защиты страны от контрреволюционных происков Временного правительства и от подготавливавшейся им капитуляции перед немцами. Это давно стало в компартии символом веры. Вот и сейчас в «тезисах» ЦК КПСС к 40-летию Октября («Правда» от 15-го сентября) Временное правительство именуется «правительством капиталистов и помещиков» и намерения его накануне Октября характеризуются следующим образом: «В интересах сохранения своего господства капиталисты и помещики готовы были продать родину иностранным империалистам и старались подавить революцию с помощью иностранных войск. Контрреволюционеры и изменники родины шли на сговор с немецким империализмом, готовили сдачу Петрограда немецким кайзеровским войскам, чтобы разгромить рабочий класс и удушить революцию».

Мысль эта проходила красной нитью через всю агитацию большевиков в последние недели перед Октябрем. Люди, принимавшие активное участие в подготовке переворота, хорошо знали цену этой лжи, и однажды Сталин с полной откровенностью — и одобрением — высказался о том, как ЦК большевиков всю подготовку переворота сознательно проводил под фальшивой маской обороны революции. В своей большой речи на пленуме коммунистической фракции ВЦИК 19-го ноября 1924 года, говоря о «периоде организации штурма (сентябрь-октябрь)», Сталин сказал:

«Следует отметить одну оригинальную особенность тактики революции в этот период. Состоит она,

эта особенность, в том, что каждый, или почти каждый, шаг своего наступления революция старается проделать под видом обороны. Несомненно, что отказ от вывода войск из Петрограда был серьезным шагом наступления революции, тем не менее это наступление было проделано под лозунгом обороны Петрограда от возможного наступления внешнего врага. Несомненно, что образование Военно-революционного комитета было еще более серьезным шагом наступления на Временное правительство, тем не менее оно было проведено под лозунгом организации советского контроля над действиями штаба округа. Несомненно, что открытый переход гарнизона на сторону Военно-революционного комитета и организация сети советских комиссаров знаменовали собой начало восстания, тем не менее эти шаги были проделаны революцией под лозунгом защиты Петроградского Совета от возможных выступлений контрреволюции. Революция как бы маскировала свои наступательные действия оболочкой обороны для того, чтобы тем легче втянуть в свою орбиту нерешительные, колеблющиеся элементы. Этим, должно быть, и объясняется внешне-оборонительный характер речей, статей и лозунгов этого периода, имеющих тем не менее глубоко наступательный характер по своему внутреннему содержанию» (Сталин, «Сочинения», т. 6, стр. 342).

Примененная с таким успехом 40 лет назад в сфере внутренней политики «маскировка наступательных действий оболочкой обороны» давно уже стала основным методом советской политики внешнеполитической агрессии.

С. ШВАРЦ

РОССИЯ—СССР СТАНОВИТСЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ СТРАНОЙ

40 лет назад, к началу революции, Россия была страной, в которой громадное большинство населения жило сельским хозяйством и промышленность занимала в экономике страны скромное место. Достаточно напомнить, что более четырех пятых населения России жило в деревнях и почти сплошь занималось земледелием, что соответственно лишь менее одной пятой населения России (в пределах теперешней территории Советского Союза в 1913 году 17,6%) жило в городах, частью оставшихся к тому же — это особенно было характерно для русской провинции — не столько промышленными, сколько административными и торговыми центрами. Сейчас — по данным на апрель 1956 года — почти половина населения Советского Союза (43,4%) живет в городах, значительное большинство городского населения занято в промышленности, а процент населения страны, занятого в сельском хозяйстве, опустился ниже 50. И это еще очень высокий процент, говорящий о незаконченности процесса индустриализации страны. Но в основном задача решена: Россия-СССР является сейчас большой промышленной державой, по объему производства занимающей первое место в мире после Соединенных Штатов Америки.

1.

Развитие промышленности в России началось не со вчерашнего дня. Уже в восемнадцатом веке Россия, хотя и далеко отставала в промышленном отношении от передовых европейских стран, все же в ряде отраслей промышленности добилась значительных успехов и, например, начала заметно выдвигаться в международную торговлю по вывозу чугуна, меди, льняных тканей, корабельного леса (мачтового леса для английского флота, который, кстати сказать, в значительной мере был оснащен парусами из русского льна или даже русского полотна). Конечно, и вся-то международная торговля была тогда — на теперешний масштаб — очень скромна, и все промышленное производство и на Западе ограничено.

Но промышленная революция последней четверти 18-го и первой половины 19-го века, сначала в Англии, а затем и в ряде стран европейского континента, положила начало быстрому промышленному росту европейского Запада. Россия, в которой еще господствовало крепостное право, осталась в этом развитии далеко позади, и только после освобождения крестьян в 1861 году в стране создались условия для развития русской экономики по европейскому образцу, и, особенно начиная с последнего десятилетия прошлого века, это развитие приняло очень энергичный характер.

Уже за первые десятилетия после крестьянской реформы отставание России от Запада по размерам промышленного производства начало уменьшаться. По данным, собранным германским Конъюнктурным Институтом (опубликованным в 1933 году), русское промышленное производство возросло за 40 лет, с 1860 по 1900 год, более чем в 7 раз, производство Германии (с ее блестящим расцветом после 1871 года) почти в 5 раз, производство Франции в 2 с половиной раза,

производство Англии в 2 раза с небольшим и только производство Соединенных Штатов, как раз в этот период вступивших на путь бурного промышленного развития, почти в 7 раз.¹ При этом за одно только последнее десятилетие прошлого века число промышленных предприятий увеличилось в России на 18%, число промышленных рабочих на 67% и сумма промышленного производства на 100%.²

Еще гораздо значительнее по абсолютным размерам, хотя и ниже в процентах, был рост за дальнейшие годы до начала мировой войны: несмотря на кризисные первые годы столетия, добыча угля с 1900 по 1913 год увеличилась в России более чем вдвое, продукция черной металлургии почти на 70%, производство меди в 4 раза, производство хлопчатобумажных тканей более чем в полтора раза, производство сахара почти в два раза и т. д. И в то же время — это стоит отметить — сбор хлебов увеличился на 55%.³

Одновременно Россия пережила период энергичного железнодорожного строительства и длина железнодорожной сети за четверть века с 1890 по 1915 год увеличилась с 27,238 до 66,088 верст, почти в два с половиной раза.⁴

Для экономического развития России еще до революции была характерна значительная роль государственного вмешательства в промышленную жизнь. Это вмешательство осуществлялось главным образом в форме поощрения частного предпринимательства, прежде всего посредством таможенного покровительства, но и непосредственно путем гарантии государства по займам, гарантированных государственных заказов, гарантии прибылей и пр. Но наряду с этим традицией русской экономической политики стало непосредственное государственное предпринимательство (главным образом в отраслях хозяйства, связанных с обороной). В последние тридцать лет перед революцией особенно значительное в железнодорожном хозяйстве.

В обстановке абсолютизма это укрепляло бюрократизм и часто вело к коррупции и даже к прямым хищениям, что в конечном счете давило на подъем жизненного уровня трудящихся масс. Но даже и в этих условиях государственное вмешательство оказывалось нередко важным стимулирующим фактором экономического развития. И поразительно, что введение — с созданием Государственной Думы — уже самых зачатков парламентского контроля привело в последнее десятилетие перед революцией к ослаблению бюрократизма и бесхозяйственности в экономической деятельности государства — всюду, кроме фактически почти

¹ См. П. А. Хромов «Экономическое развитие России в XIX-XX веках (1800-1917)», Изд. Института Экономики Академии Наук СССР, Москва, 1950 г., стр. 179-180.

² См. П. И. Лященко «История народного хозяйства СССР», т. 2, Москва 1948 г., стр. 149.

³ Исчислено по абсолютным данным, приводимым у Лященко, т. 2, стр. 410.

⁴ В. И. Григинецкий «Послевоенные перспективы русской промышленности», Москва, изд. 2-ое. 1922 г., стр. 62.

забронированного от влияния Государственной Думы военного ведомства.

К этому последнему десятилетию перед революцией относятся и зачатки внесения планового начала в систему русской экономики — не в форме универсального планирования, характерного для будущего, советского периода, а в форме планирования на годы вперед развития значительных отраслей хозяйства, — планирования отнюдь не в смысле простого предвидения, но и в смысле энергичного государственного воздействия — прямого и косвенного — на хозяйственное развитие.

Об одном из таких планов — о широком, на много лет вперед, плане железнодорожного строительства, законченном разработкой в 1916 году специальной комиссией в Министерстве путей сообщения под председательством товарища министра п. с. Борисова, в свое время много писали. Опираясь на работы комиссии Борисова, но выходя за их рамки, Гриневецкий в упомянутой выше книге, написанной уже в советский период и вышедшей первым изданием в 1919 году, писал: «Не будет преувеличением сказать, что к 1950 году рельсовая сеть Европейской и Азиатской России должна получить природ по крайней мере (!) на 250-300 тысяч верст, что может быть достигнуто ежегодной постройкой от 8 до 10 тысяч верст. По сравнению с прошлым эта задача грандиозна и потребует от страны сильнейшего финансового, но и промышленного напряжения». Гриневецкий подробно обосновывал реальность этого плана, игнорируя существование советского режима и исходя из молчаливого предположения о создании в России какого-то правового порядка. Выше мы видели, что длина железнодорожной сети достигла в России в 1915 году 66.088 верст. К 1950 году она должна была таким образом увеличиться приблизительно в пять раз или больше. Чтобы читатель мог отдать себе отчет в грандиозности этих масштабов, упомяну только, что, согласно данным советского статистического сборника 1956 года, общая протяженность железнодорожной сети на теперешней территории Советского Союза возросла с 71,7 тысяч километров в 1913 году до 120,7 тысяч км. в 1955 году, т. е. менее чем вдвое. А Гриневецкий был отнюдь не фантастом, а высоко образованным инженером, директором московского высшего технического училища, да к тому же и человеком политически довольно умеренным (открыто высказывавшим свое отрицательное отношение к советским методам властвования в вопросах экономики).

Менее грандиозен, но, может быть, не менее интересен был разработанный Управлением внутренних водных путей Министерства путей сообщения «план строительства новых водных путей и улучшения и развития существующих», включавший в себя и план значительного по тем временам гидроэнергетического строительства. План этот, в виде большого печатного доклада, предназначавшегося для законодательных учреждений и официальных лиц и не поступившего на книжный рынок, подписан 25-ым февраля 1917 года, за два дня до начала революции, чем, вероятно, и объясняется, что он сразу затерялся и остался совершенно неизвестен в литературе. Не упоминается он даже и в «Плане электрификации РСФСР» (1920 г.), так называемом плане ГОЭЛРО, недавно переизданном (вместе с оставшимися до сих пор неопубликованными районными

планами) в виде большого тома в 660 страниц. Неупоминание здесь плана 1917 года тем более поразительно, что ~~схема гидроэнергетического строительства~~ ~~об~~ ~~их~~ ~~планов~~ ~~обнаруживает~~ ~~очень~~ ~~далеко~~ идущее сходство, а во многих частях и тождество. Трудно представить себе, чтобы это было простое совпадение. И уже совершенно невозможно допустить, чтобы среди 180 специалистов, участвовавших в разработке плана ГОЭЛРО, никто не знал о разработке в Управлении внутренних водных путей — всего года за четыре до того — плана широкого гидроэнергетического строительства в России.⁵

2

За время первой мировой войны народное хозяйство России должно было выдержать огромное напряжение и к началу революции дошло до состояния тяжелого развала⁶. Это осложняло, но в более далекой перспективе не меняло основной задачи, которая ставилась экономическим развитием страны — задачи быстрого дальнейшего развития промышленности и — в качестве и предпосылки этого развития, и сопровождающего его процесса — подъема культурного и экономического уровня широких трудящихся масс⁷.

Мы уже видели, как энергичное государственное вмешательство в экономическую жизнь было характерной чертой русского экономического развития задолго до революции. Развал хозяйства в годы войны придал тем более настоятельный характер вставшим перед революционной властью задачам активной экономической политики. Инициативу разработки программы экономической политики революционной власти взяла на себя меньшевики в Экономическом отделе Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, а затем Исполнительного Комитета Советов Р. и С.Д. (кроме программы аграрной политики, детально разрабатывавшейся главным образом в Исполнительном Комитете Советов Крестьянских Депутатов и в Министерстве земледелия). Программа эта в отношении промышленности предусматривала частичную национализацию, но главным в ней было требование широкого государственного регулирования в основном не-национализированной промышленности, обеспечивающего сочетание планового и рыночного начал и осуществляемого государственными органами с широким представитель-

⁵ На план 1917 года я натолкнулся случайно в коллекции А. Н. Зака, хранящейся в Нью Йоркской Публичной библиотеке. Я уже упоминал об этом плане в статье «Большая Волга» в «Новом Журнале», т. XIII (1946 г.).

⁶ См. об этом в статье «Обреченность Февральской революции. К 40-летию Февраля», в № 2/3 нашего журнала за текущий год.

⁷ Я не касаюсь в этой статье вставшей с чрезвычайной остротой задачи передачи земли крестьянам. Отмечу только, что переход земли в руки крестьян должен был обеспечить быстрый экономический подъем крестьянства и привести таким образом к значительному расширению внутреннего рынка для продуктов промышленности и, с другой стороны, быстрый подъем промышленности должен был привести к значительному расширению рынка для продуктов сельского хозяйства и обеспечить резкое перераспределение населения между городом и деревней, освобождая таким образом деревню от избыточного населения, без чего и самый экономический подъем деревни неизбежно ограничивался бы узкими рамками.

ством в них организаций рабочих и предпринимателей, органов демократического самоуправления, кооперативных организаций, научных обществ и пр. Так должно было быть обеспечено создание системы хозяйства, которую мы теперь назвали бы **системой смешанной экономики**, но в **принципиальном** отличии которой от традиционной («либеральной») системы капитализма, кажется, в 1917 году не вполне отдавали себе отчет даже те, кто разрабатывали эту программу.

В августе 1917 года на Государственном совещании в Москве программа эта в детально разработанном виде была оглашена Н. С. Чхеидзе уже от имени очень широкого фронта «революционной демократии», охватывавшего фактически всю организованную общественность налево от кадетов, кроме большевиков на крайней левой. Программа эта наталкивалась на глухую, а часто и открытую и, начиная с июля, быстро растущую оппозицию «цензовых элементов», но была принята в основном и Временным Правительством, правда, по частям, с оговорками и явно без энтузиазма. Но при краткости периода демократической («февральской») революции, в обстановке незавершенной войны, для продолжения которой явно не было сил, и в условиях стихийно растущего экономического развала практическое значение этой программы неизбежно оставалось **ограниченным**.

Программа эта встретила решительную оппозицию и со стороны большевиков, противопоставивших ей демагогические трюки «рабочего контроля над производством» и национализацию банков с переходом власти к Советам Р. и С.Д., что фактически должно было быть лишь прикрытием для установления диктатуры компартии. Но, придя к власти, большевики «рабочий контроль», т. е. передачу управления предприятиями рабочим комитетам (фабкомам и завкомам), упразднили, а действительно проведенная национализация банков в обстановке глубокой дезорганизации промышленной жизни, характерной для зимы 1917-18 года, явилась лишь дополнительным фактором усиления процесса экономического распада.

Но положение правительства обязывало, и очень скоро коммунистическая диктатура должна была задуматься над вопросами восстановления и развития хозяйства и невольно должна была при этом обратиться к кругу идей, выдвинутых весной и летом 1917 года представителями революционной демократии. Идеи эти действительно оказали заметное влияние на первоначальную организацию Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ) и управления промышленностью. Но плодотворное осуществление экономической программы революционной демократии 1917 года предполагало существование демократической государственности, независимого общественного мнения, действительной свободы критики, т. е. прежде всего свободы печати. Всего этого теперь не было, и руководство всей хозяйственной жизнью приняло вскоре законченно авторитарный характер, а после короткого периода нэп'а идеи универсального планирования и строго централизованного бюрократического управления всем хозяйством получили безраздельное официальное признание и практическое осуществление.

Начался период пятилеток и форсированной индустриализации. К 40-летию Октября итоги этого развития оказались — чисто количественно — очень значительными. Промышленность Советского Союза по объе-

му производства значительно обогнала Англию, Германию (Западную и Восточную вместе взятых) и Францию и далеко отстает лишь от Соединенных Штатов Америки. Советская пропаганда относит все это за счет политики «партии и правительства», отвергая самую мысль о возможности достижения такого роста промышленности вне условий коммунистической диктатуры. Но это тезис незащитимый.

Мы уже видели выше на примере железнодорожного строительства, как масштабы его возможного развития **вне условий коммунистической диктатуры** оценивались очень авторитетным ученым — в 1918 году и в Москве, не в эмиграции! — гораздо благоприятнее, чем это фактически оказалось осуществимым в условиях диктатуры. Но можно привести и более убедительный пример, основанный не на сопоставлении действительного советского развития с гипотетическим развитием, назначенным профессором Гриневецким, а на сопоставлении действительного советского с действительным американским развитием.

В июньском выпуске нашего журнала была помещена статья Л. Ланде «Две индустриализации», в которой был дан анализ доклада американского экономиста, профессора Г. У. Наттера, прочитанного на последнем съезде Американского экономического общества⁸. Отсылая читателя к этой статье, отмечу здесь лишь самое важное. Расчеты Наттера основаны на данных (в натуральных единицах) о размерах производства большого числа промышленных товаров в России-СССР и в США, причем по каждому товару исчислено количество лет **отставания** русского производства в 1913 и 1955 годах от соответственного американского уровня. Например, по производству стали Россия в 1913 году достигла американского уровня 1892 года, а СССР в 1955 году американского уровня 1926 года. Отставание в первом случае на 21 год, во втором на 29 лет. Отставание России-СССР от США за эти годы даже увеличилось. По другим промышленным товарам, конечно, иначе. И в целом, если уровень промышленного производства в России в 1913 году (в пределах 37 товаров, по которым оказалось возможным привести сравнительные данные) достигал уровня США 1885 года, то уровень производства в СССР в 1955 году равнялся американскому уровню 1920 года; т. о. и при этом подсчете обнаруживается увеличение количества лет отставания России-СССР от США — с 28 лет в 1913 году до 35 лет в 1915 году. Правда, Россия за это время пережила два периода совершенно исключительного потрясения промышленности (в первые годы революции и во время 2-ой мировой войны⁹), что Наттер не принимает во внимание. Если принять это во внимание и соответственно скинуть для СССР эти годы со счета, количество лет отставания России-СССР от США в 1955 году по сравнению с 1913 годом окажется несколько уменьшившимся. Но даже и с этой оговоркой трудно признать этот итог за целую историческую эпоху очень благоприятным. А между тем здесь еще в пользу Советского Союза сказалось влия-

⁸ Сейчас этот доклад вышел в печатном виде: "Some Observations on Soviet Industrial Growth" by G. Warren Nutter. National Bureau of Economic Research, Occasional paper 55, New York 1957. В нем все расчеты еще раз были проверены автором и некоторые цифры подверглись небольшим исправлениям. Цифры в тексте взяты из этого печатного доклада.

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

В. АЛЕКСАНДРОВА

К 40-ЛЕТИЮ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

С самого начала нынешнего года писательская общественность стала готовиться к 40-летию октябрьской революции. Многие журналы даже обзавелись специальным отделом «Из прошлого», в котором печатаются воспоминания, дневники или литературно обработанные записи воспоминаний участников «Октября». Но чем ближе знаменательная дата, тем очевиднее, что эти литературные экскурсии в прошлое вряд ли расширят горизонт современников и, вероятно, просто изойдут в высокопарном словоизвержении. А между тем осмысление Октября скорее соседствует с трагедией, чем с тем «грубо-нарядным, официально-помпезным стилем» (выражение Ал. Крона),

который выработался в разных областях искусства после окончания войны 1941-1945 гг.

Размышления над предстоящим юбилеем воскресили в памяти один эпизод из романа Вс. Иванова «При взятии Берлина» (1946 г.). Художник Михеев вместе с частями Красной армии вошел в Берлин, чтобы здесь сделать зарисовки для задуманного «Альбома победы». Но генералу Ражникову он признается, что носит с другой мечтой: написать большую картину «Донник». На вопрос генерала, что такое «донник» (не растение ли это?), Михеев, волнуясь, объясняет, что это не растение, а донный лед, и рассказывает ему сюжет задуманной картины: высокий берег реки, с него спускается,

ние того преимущества, которое имеют страны, индустриализирующиеся позднее других: пред ними открывается возможность с самого начала использовать более высокую технику, которую годами создавали опередившие их страны, и соответственно развивать свою промышленность более быстро. С годами значение **преимущества отсталости**, конечно, уменьшается.

3

Но постепенно утрачивая это «преимущество», Советский Союз в полной мере сохраняет другое, обеспечивающее ему еще на годы высокие темпы промышленного развития. Это преимущество заключается в той свободе, которой коммунистическая власть пользуется в своей политике капиталовложений.

Темпы промышленного развития это прежде всего вопрос **капиталовложений**. Индустриализация всюду происходила путем вложения в промышленность средств, накопленных внутри страны, и путем притока средств из-за границы. Внутри страны с неразвитой промышленностью накопления неизбежно скромны и это давит на темп индустриального развития, если не происходит притока **иностранного капитала**. Это элементарно и это с самого начала понимали, конечно, и руководители советского хозяйства. Но привлечение иностранного капитала в советскую промышленность наталкивалось почти на непреодолимые трудности. Для преодоления этих трудностей Ленин и выдвинул мысль о концессиях. «Если мы не сумеем провести политику концессий и привлечь иностранный капитал к концессиям», говорил он в докладе на заседании коммунистической фракции ВЦСПС в апреле 1921 года, «то нечего говорить о серьезных практических мероприятиях для улучшения хозяйственного положения» («Сочинения», 4-ое издание, т. 32, стр. 279). И еще определеннее: «Этого», — т. е. «дать увеличенное количество продуктов во что бы то ни стало», — «мы не сможем сделать сами без помощи иностранного капитала. Для всякого, кто, не обольщаясь, смотрит на действительность, должно быть очевидно это» (стр. 280). Эта попытка привлечь в сколько-нибудь значительных размерах иностранный капитал в советскую экономику кончилась полной не-

удачей и иначе и быть не могло. Только после этого возникла ставшая вскоре интегральной частью коммунистической политграммы теория о неизбежности экономического и политического, «колониального» и «полуколониального» закабаления страны в случае притока в нее иностранного капитала. Так бывало, но это отнюдь не необходимо. Рамки этой статьи не позволяют мне останавливаться сейчас на этом вопросе. Отмечу только, что Соединенные Штаты Америки в течение всего периода их блестящего промышленного развития во второй половине прошлого и в первые два десятилетия текущего столетия были страной значительной иностранной задолженности и задолженность эта — главным образом Англии — ни в какой мере не приводила к их «закабалению». Или другой пример. В последние годы всюду широко обсуждается вопрос о содействии экономическому подъему «недостаточно развитых» стран путем помощи им извне, т. е. путем притока в эти страны — в новой форме, отличной от периода колониализма, — иностранного капитала. Это путь к спасению этих стран, а не к их закабалению.

Советский Союз пошел другим путем, и в условиях коммунистической диктатуры иного пути у него и не было. При отсутствии в стране сколько-нибудь значительных сбережений и при невозможности привлечения значительных средств извне компартия решила направить на нужды индустриализации огромную долю текущего народного дохода, т. е. **на долгий исторический период резко понизить жизненный уровень широких трудящихся масс**. Мерами жестокого террора эта политика была осуществлена и советская промышленность значительно поднята. Создался какой-то чудовишный парадокс: всюду, где в течение последнего столетия происходил и происходит процесс индустриализации страны, процесс этот сопровождается экономическим подъемом рабочего класса и в большинстве случаев и крестьянства. И только в условиях коммунистической диктатуры, правящей — официально — именем рабочего класса, индустриализация страны в наше время протекала и протекает иначе, напоминая о жестоких временах «первоначального капиталистического накопления» на Западе.

волоча лодку, группа крестьян; они одеты празднично, начало весны, пооттаяло, с реки сошел последний лед, распускаются почки на деревьях; кругом по-особому весело, хочется вместе с крестьянами толкать лодку и плыть на ней далеко-далеко; и вдруг — совершенно неожиданно хлынул в лицо крестьянам холодный воздух, счастливые мысли исчезли, «что-то сжало сердца», а река покрылась каким-то «изголубо-серым, глянцевым, как погребальный газет, льдом». Это всплыл «донник», потонувший и осевший на дне реки, и «на душе у всех стало гадко, мерзко, мокротно, тьфу». А «донник», плывет и словно насмехается над людьми: «Э, весны ждали? Дудки! Не будет вам никакой весны... За это видение Вс. Иванову пришлось объявить Михеева больным, но даже тяжелая болезнь героя не спасла писателя от нареканий критиков.

О трагическом аспекте октябрьской революции публицистически писали многие писатели и поэты. В статье «Завтра» (1919-1920 г.) Евгений Замятин писал: «Умирает человек. Гордый *homo erectus* становится на четвереньки... Возвращается дикое средневековье, стремительно падает ценность человеческой жизни, катится новая волна европейских погромов. Нельзя больше молчать. Время крикнуть: человек человеку — брат!». — Но художественная литература поразительно скупой отразила трагический облик революции, так глубоко пережитый современниками, вне зависимости от того, принадлежали ли они, как Маяковский («Ода революции»), к лагерю принявших «Октябрь», или, как Бунин («Окаянные дни»), объявивших себя непримиримыми его противниками.

Стоит все же отметить несколько произведений, в которых трагическое в революции нашло свое выражение. Это прежде всего «Машины и волки» Бориса Пильняка (1925 г.). Основной конфликт внутри революции по Пильняку заключается в том, что в несколько дней октября России надо было сделать гигантский скачок. В столицах быстро справились с этим, там выковали романтику «пролетарской машинной революции», но внутри страны шел иной, свой, «мужичий бунт», чуждый и враждебный городам и заводам. Вот тогда-то и «поднялся занавес русских трагедий»: две правды сшиблись лбами: «машинная правда» и «мужичья Русь». На «машинную правду» ответила «волчья Расея»: «цифрами, 20-м годом, Волгой (голодом)».

Конечно, можно сказать, что свидетельство писателя-метафизика Пильняка — не типично, и что трагический лик революции искусственно представлен у него столь зловеще. Но есть одно свидетельство, которое может убедить самого трудно поддающегося аргументам человека — это успех «Тихого Дона» Шолохова. Все части «Тихого Дона» очень быстро завоевали себе широкий круг читателей и почитателей. Но подлинно народную популярность писатель приобрел с выходом последнего, 4-го тома своей эпопеи, в 1940 году. Успех этот ошеломил критиков: ведь Григорий Мелехов — главный герой и душа этой эпопеи — вовсе не стал большевиком, как этого ждали почти все критики, а, наоборот, примкнул к «зеленым», воевал против большевиков. Победенный, смертельно уставший от революции и контр-революции, не примиренный, возвращается Григорий в родную станицу. Из множества статей, пытавшихся разгадать секрет широкой популярности романа, ближе всего к разгадке ее подошел Б. Емельянов в статье «О 'Тихом Доне' и его крити-

ках» («Литературный критик», № 11-12, 1940 г.). Суммируя высказывания, посвященные этому произведению, Емельянов уточнил, что «центр спора» — вопрос: «является ли 'Тихий Дон' произведением трагическим, и Григорий Мелехов — героем трагедии?» Выяснение этого вопроса чрезвычайно важно, так как оно поможет понять смысл романа Шолохова. В отличие от Ермилова, И. Лежнева и других, Емельянов считает, что «Тихий Дон» — трагедия и что Шолохов «впервые в нашей литературе показал трагическое в революции и в гражданской войне». Емельянов упрекал близоруких критиков за то, что они не понимают, что «возвышенно-скорбный тон повествования Шолохова, грустно величественный конец его эпопеи, чем более он трагичен, тем сильнее утверждает победу». И в подкрепление своей мысли Емельянов ссылается на трагедию Эсхилла «Персы», поставленную в Афинах через несколько лет после победы греков у острова Саламина. Действие трагедии разыгрывалось в Сузах, столице персов, в лагере побежденных: на сцене плакали по убитым матери и жены, и сам персидский царь Ксеркс, враг Афин, был показан в трауре и горе. Вот этой широты подхода к произведениям искусства, отмечает Емельянов, не обнаруживают советские критики.

Интереснее всех споров критиков была реакция рядовых читателей и слушателей, о которой рассказал в 1940 году И. Лежнев в своей книжке «Легенда о седом ковыле». Последняя часть «Тихого Дона» передавалась в 1940 году по радио. Хотя эти передачи происходили поздно вечером, не только множество взрослых были верными слушателями этих передач, но нередко даже дети отказывались идти спать, чтобы чего-нибудь не пропустить из жизни их любимца Григория Мелехова.

С редкой в советских условиях настойчивостью к трагическому лику октябрьской революции приглядывался Константин Федин («Города и голы», «Братья», «Необыкновенное лето»). В романе «Необыкновенное лето» (1947 г.) писатель Пастухов, пробирающийся во время гражданской войны из Петрограда к себе на родину на Волгу, говорит коммунисту Извекову, что он никогда не сомневался в «возвышенности целей» деятелей революции, но его ужасает мысль, что «в битве за добро человек вынужден делать так много зла». Осознает Пастухов и трагедию художника слова: он, Пастухов, не чувствует себя ни красным, ни белым, но знает, что именно поэтому он на подозрении у тех и других; и те и другие готовы приговорить его к смерти. Его душа бунтует против такой «арифметики»: Что делать, если он, Пастухов, оливковый? «Убить его! Но почему оливковые, ультрамариновые не убивают, а убивают белые и красные?» Слушая исповедь вступившего из германского плена поручика Дибича, Пастухов признается, что больше всего мешает ему его писательская впечатлительность. Но без этой впечатлительности нет настоящего художника. «Но чем острее впечатлительность, тем больше страданий, потому что художник видит горе мира всегда в каком-нибудь единичном явлении... Не вообще горе мира, как понятие, а в живом человеке, который страдает». И тут заложен основной конфликт художника с советским режимом: режим этот не только оспаривает право художника на сочувствие человеческому страданию, но требует возвеличения победителей и игнорирования

жертв и страданий миллионов людей. И в беседе с Извековым Пастухов упрекает его, что в погоне за этими объяснениями победители «не хотят понять Россию».

На фоне этого ощущения трагического происходила борьба внутри страны с властью. В художественной литературе она нашла очень бледное отражение. Более отчетливо отражена в беллетристике только борьба крестьянства против коллективизации. Даже после того как сопротивление крестьян было сломлено, борьба деревни не прекратилась, она продолжается и по сей день, как об этом повествуют очерки и рассказы В. Овечкина, Тендрякова, Троепольского и множество романов из колхозной жизни. Слабое и даже искаженное отражение в литературе конфликтов, происходящих в стране, понятно, если мы учтем, что они показывались при отсутствии политической и творческой свободы и в обстановке пренебрежения к человеческой личности. Очень выпукло это выражено в словах секретаря партийного комитета Корытова в романе «Счастье» П. Павленко: «Меня, брат, — говорит Корытов полковнику Воропаеву, — твой отдельный человек не интересует. Меня интересуют люди. Я люблю обобщать. Меня не интересует, если твои мысли — только твои».

При всем этом в конце тридцатых годов внутри советского общества начал кристаллизоваться слой так называемых «непартийных большевиков», представителей той технической интеллигенции, которая помогла компартии реализовать пятилетки и потребовала за это места «под солнцем» сталинского режима. В художественной литературе выразителем вождельний этого слоя пытался (и с успехом!) стать покойный Алексей Толстой. Наиболее откровенно высказал он свою концепцию в конце 1943 года, когда победоносный исход войны уже определился успехами Красной Армии. В статье «На историческом рубеже» от 23-го октября 1943 года Толстой писал: «После всего пережитого герой эпохи не может и не смеет быть разочарованным или слабым — жить романтическими воспоминаниями об Октябре, он должен понять, что только сильный, смелый и волевой человек — единственный наследник Октября и хозяин своей эпохи».

Толстой ошибся: страна голосовала за другого героя. И не Толстой, не Бабаевский, не Симонов и Павленко — несмотря на открытую поддержку литературного начальства — оказались «ведущими» писателями, а те, кто, как Овечкин, Панова, Твардовский почувствовали, что после великих страданий и лишений народ мечтает прежде всего о смягчении режима. Переживания военных лет очень изменили психику рядовых людей. Много вынесли люди и многого стали ждать от власти. Пусть невозможно быстрое восстановление разрушенных сел и городов, но пусть скажется перемена «в отношениях между людьми». На эту тему, впервые сформулированную Овечкиным в его повести «С фронтовым приветом» (1945 г.), и начался в первый же год после войны «большой разговор» в советской публицистике. Чисткой 1946/48 гг. он был грубо оборван. Но некоторым писателям все же удавалось обиняком отражать эти новые настроения. В послевоенной беллетристике появился новый тип «несогласного гражданина»: в отличие от довоенного отрицательного героя, послевоенный несогласный гражданин изображается не робким «злодеем», он ершист, умеет от-

стаивать себя и свои взгляды. Стоит вспомнить старшего лейтенанта Боярышниковца в повести «Счастье» Павленко или Лену Журинову, там же, работающую в партийном комитете. Лена — преданный член партии, но наряду с официальной победой, выразившейся во вступлении Красной Армии в Берлин, она гордится своим маленьким «Берлином» — дочкой Таней, которую ей удалось выводить ценой порой нечеловеческих лишений.

Для понимания атмосферы, царившей среди широких слоев населения после окончания войны, много дают такие стихи Твардовского, как «Две строчки» (1946 год):

Из записной потертой книжки
Две строчки о бойце-парнишке,
Что был в сороковом году
Убит в Финляндии на льду...

Поэту даже самому не совсем ясно, почему «среди большой войны жестокой» он не может забыть этого юного бойца, почему ему жалко «той судьбы далекой». И внезапно его осеняет догадка:

Как будто это я лежу,
Примерзший, маленький, убитый
На той войне, уже забытой,
Убитый, маленький лежу...

С годами ощущение трагического элемента в октябрьской революции стало ослабевать. Оно уступило место другому, не менее знаменательному чувству, вызревшему в годы военных испытаний: отталкивания от политико-психологических установок компартии и прежде всего от философии ненависти, играющей такую видную роль в политической этике компартии. Много замечательных страниц посвящено новому отношению к человеческой личности в романе «Кружилиха» (1947 г.) В. Пановой. Особенно показательна глава, посвященная ночному свиданию директора завода Листопада с председателем заводской профсоюзной организации Уздечкиным. Две правды сшибаются лбами во время этого ночного свидания: правда удачливо-го и энергичного Листопада и правда маленького, работающего «без звона» и живущего впроголодь Уздечкина. И в этой беседе побеждает Уздечкин.

Пересмотру основ партийной этики посвящена последняя драма Н. Погодина «Сонет Петрарки» (1956 год). В ночной беседе Суходолова, руководителя крупного строительства, с его старой домработницей Мариной, ставшей как бы членом семьи, Суходолов признается, что со времен ранней молодости он «учился ненавидеть». Но сейчас он начинает сомневаться в правильности этого чувства: «Теперь у нас враждебных классов действительно нет. Спрашивается, кого же ненавидеть? Есть негодяи, отребье, воры. Они достойны разве что презренья, а иногда сожаления». Но не это имеет в виду Суходолов, его занимает та «большая ненависть», которая когда-то вдохновила компартию на октябрьскую революцию. «Кого я должен ненавидеть в своей стране?.. — не то спрашивает, не то размышляет вслух Суходолов. — Может быть пора учиться любить?» Радостно поддерживает его в этом Марина: «Вот хорошо было бы!»

Увы, до политической «весны» попрежнему очень далеко. К 40-летию октябрьской революции всплывает тот «донник», который в пророческом озарении привиделся Вс. Иванову в момент военного торжества Советской армии двенадцать лет назад...

Н. ЯСНЫЙ

ЮБИЛЕЙНЫЕ ТОРЖЕСТВА И ФАЛЬШИВАЯ СТАТИСТИКА

Сорок лет — срок не малый. Тут нужно показать результаты, и результаты показываются.

«Сельское Хозяйство» от 15-го октября преподносит тем, кто готов верить, подарочек к празднеству. То почти 20 лет упорно отмалчивались о размерах сельскохозяйственного производства, а тут нате — производство земледелия возросло с 1913 года почти в 2,7 раза, животноводство почти в 2 раза.

Официально производство хлеба в 1913 году на территории Советского Союза, как она существовала до 1939 года, оценивалось (преуменьшенно) в 80,1 млн. тонн; т. е., считая и производство в присоединенных территориях, все производство хлеба на территории Советского Союза достигало в 1913 году около 91,1 млн. тонн. Официальная цифра для урожая 1956 г. около 124 млн. т.*. Рост производства хлеба с 1913 по 1956 год достиг т. о. — официально — 36%. Производство хлопка, сахарной свеклы, подсолнечника, картофеля и овощей сильно возросло, но вес их в общей продукции земледелия не настолько значителен, чтобы хотя бы приблизительно оправдать цифру увеличения продукции земледелия в почти 2,7 раза — почти на 170 процентов!

Удвоение животноводческой продукции на нынешней территории Советского Союза за 40 лет было бы явлением, которым особенно хвастаться не приходится. Все население на этой территории возросло за этот период на 26%. Душевое потребление животных продуктов городским населением было в 1913 году гораздо больше, чем потребление сельским населением, и городское население возросло с 1913 года больше чем в 3 раза. Даже удвоение животноводческого производства при таких условиях обозначало бы очень умеренный рост душевого потребления этих продуктов в городе и в деревне. Но и указанный умеренный рост существует только в статистике. В действительности ничего подобного не было.

По моим подсчетам все производство сельскохозяйственных продуктов для потребления возросло с 1913 по 1956 год процентов на 50. В подробности не вхожу, пока ограничусь одной вышеуказанной цифрой, но замечу, что она исчислена в поте лица. В подкрепление сошлюсь лишь на следующий факт: американский журнал «Форчюн» (февраль, 1957) напечатал кое-какие мои исчисления советского сельскохозяйственного производства. Е. Варга («Коммунист», 1957, № 10) в своей подробной критике данных «Форчюна» этих цифр не оспаривал, хотя они радикально расходятся с официальными. Чего же лучше?

Продукция животноводства прежде всего состоит из мяса и молока. Согласно контрольным цифрам на 1926-27 г., производство мяса (убойный вес) в 1913 г. достигало (в границах Советского Союза 1926

г.) 212,5 мил. пудов (3,48 мил. тонн); молока произведено было в том году 1492 мил. пудов (24,5 мил. тонн). По моим оценкам сравнимое производство составило в 1956 г. самое большее 4,5 мил. тонн (мясо) и 37-38 мил. тонн (молоко), но в **нынешних границах**. Если сбросить 15% на производство присоединенных территорий, оказывается, что производство мяса увеличилось с 1913 года самое большее на 15%, а производство молока процентов на 30. Принимая во внимание значительный рост населения и особенно увеличение городского населения с его гораздо большим душевым потреблением продуктов животноводства, эти цифры обозначают огромное сокращение по сравнению с 1913 г. душевого потребления мяса и более умеренное сокращение потребления молока городским и сельским населением. Вот тебе и достижения наиболее крупного и наиболее механизированного социалистического хозяйства в мире.

Авторы тезисов ЦК КПСС к 40-летию Октября не постеснялись заявить, что индустриальное производство возросло с 1913 по 1957 год в 33 раза. Это исчисление включает увеличение в 20,7 раза за период с 1928 по 1955 год. «Форчюн» приводит за этот последний период исчисленный мною восьмикратный рост, и Варга этой цифры не оспаривает. Разница небольшая: всего 2,5-кратное преувеличение.

Вполне соответствуют утверждению, что индустриальная продукция возросла за 1913-1957 годы в 33 раза, утверждения «тезисов», что производство предметов производства возросло за эти годы в 74 раза, производство средств потребления в 13 раз, а машиностроения даже в двести раз. Я не буду отпугивать читателя моими собственными исчислениями, сошлюсь на только что вышедшую мою книгу «The Soviet 1956 Statistical Handbook — a Commentary», где действительные цифры исчислены и объяснены.

Значительное место уделено в «тезисах» росту советского индустриального производства по сравнению с северо-американским. Оказывается, что из расчета на душу населения индустриальное производство Соединенных Штатов было в 1913 году в 13-14 раз больше, чем в России, а в настоящее время оно больше только в 2,6 раз. Вот как мы догоняем! Но к сожалению, в значительной степени — это фальшивка.

Указанная премудрость заимствована «тезисами» из книжки «Страны социализма и капитализма в цифрах» (Москва, 1957 г.). Книжка «подготовлена» Я. И. Иоффе, который почти четверть века занимается этими сравнениями. Я уже в 1947 году показал, как Иоффе сфабриковал свои сравнения индустриального производства в СССР и США («The Journal of Political Economy», август, 1947 г.). Он исчислил, повидимому, правильно соотношение производства СССР к производству США в 1937 г. в 32,7%, а потом пошел от производства в обеих странах в 1937 году назад, при помощи сильно преувеличенного советского индекса и в общем правильного американского индекса. В результате отношение индустриального производства СССР к американскому в 1913 и 1928 оказалось сильно

* В статье в «Форчюн», о которой речь далее в тексте, дана цифра урожая хлебов в 1956 году в 115 млн. тонн, исчисленная мною. Е. Варга в «Коммунисте» этой цифры не только не оспаривает, но сам ею пользуется для сравнения с производством хлеба с США.

преуменьшенным, и, конечно рост этого отношения с 1913 или 1928 г. по 1937 г. сделался гораздо большим, чем он был в действительности.

В своей новой книжке Иоффе сделал еще один шаг вперед. Он превысил соотношение между индустриальным производством СССР и США в 1956 г. По его расчету, производство СССР составило в этом году 47,6% от производства США, по моему же расчету только 37-38%. От 47,6% он опять же пошел назад вышеуказанным путем и получил для 1913 г. соотношение промышленной продукции России и США как 6,9 к 100.

Согласно исчислению Лиги Наций, индустриальное производство России в 1913 г. составило 12,3% американского. Таким образом, по Иоффе соотношение между этими производствами возросло с 6,9% в 1913 г. до 47,6% в 1956 г. или почти в 7 раз, в действительности же оно увеличилось с 12,3% до 37-38% или приблизительно в 3 раза. Маленькая разница.

Официально реальные доходы рабочих возросли в 6 раз в период с 1913 до 1953 года и реальные доходы крестьян в 6,8 раза из расчета на 1 трудоспособного («Вопросы Экономики», ноябрь 1954 г., стр. 7). Надежных данных о заработной плате или крестьянских доходах в 1913 году нет. Однако средняя реальная заработная плата вряд ли была ниже в 1913 году, чем в 1928. Судя по размерам сельскохозяйственного производства, размерам сельскохозяйственного населения и взаимоотношению между ценами, вырученными с.-х. населением за его продукты и уплачивавшимися им за индустриальные товары, доходы крестьян из расчета на душу в 1928 г. были ниже, чем в 1913 г.

Реальная заработная плата, выплаченная людям наемного труда, и такой же реальный душевой доход оценивается мною для 1955 г. в 75% от уровня 1928 г. В 1956 г. эти доходы были во всяком случае ниже, чем в 1913 году. К этому заключению можно прийти как путем исчислений в деньгах, так и в физических единицах (жилищные условия, потребление с.-х. продуктов и других товаров). Разница между официальными и моими исчислениями, конечно, огромная, но официальные исчисления рассыпаются в прах даже путем простого сравнения с раздутым индексом сельскохозяйственного производства. Реальная заработная плата и реальные доходы крестьян не могли, конечно, вырасти в 6 и 6,8 раза, если животноводческое производство возросло лишь «почти в 2 раза». Мои же исчисления реальной заработной платы и реальных доходов крестьян хорошо увязаны с моими исчислениями сельскохозяйственного производства, если принять во внимание гораздо большее душевое потребление городским населением более дорогих (по сравнению с хлебом и картофелем) животных продуктов, одежды, обуви и т. д.

Авторы юбилейных «тезисов» не решились повторить официальные исчисления реальной заработной платы для 1913-1953 гг. буквально (их пришлось бы еще увеличить на рост за 1953-56 гг.). Согласно «тезисам», «материальная обеспеченность трудящихся в настоящее время в несколько раз превышает уровень 1913 г.». «В несколько раз» не должно, конечно, быть непременно 6 раз или выше.

Нужно быть благодарным «тезисам» за разъяснение, что «материальное обеспечение» исчислено с учетом бесплатного обучения и бесплатной медицинской помощи, пенсий, пособий и т. д., (это в отношении рабочих так называемая социализированная заработная плата), а также сокращения рабочего дня.

В моей статье в «С. В.», июль 1957 г., я показал огромное преувеличение роста так называемой социализированной заработной платы с 1940 г. до середины пятидесятих годов. Соответственных данных за 1928-40 гг. нет, но, вероятно, преувеличение тогда было еще больше, потому что нужда в преувеличениях была гораздо больше.

Со включением бесплатных услуг государства и из расчета за час реальная заработная плата не возросла, конечно, в несколько раз с 1913 г., как утверждают «тезисы», хотя все же возросла. Но ведь это период в 40 лет — два поколения.

Заявление юбилейных «тезисов» о реальных доходах крестьянства надо рассматривать, как полный отказ от фантастических утверждений, что реальные доходы крестьян выросли в 6,8 раз за 1913-53 гг.*) Согласно «тезисам», реальные доходы крестьян **несравненно выросли с дореволюционного времени**. По советской терминологии «несравненно выросли» не обозначает ничего. К тому же это «несравненно» включает в огромной степени преувеличенную оценку роста бесплатных услуг, сильно возросших с 1913 года.

С другой стороны, в Союзе принято при исчислении «роста» реальных доходов крестьян с 1913 или 1928 г. отбрасывать для этих годов доходы «кулаков», но включать доходы председателей колхозов и «механизаторов» при исчислении средних доходов за последующие годы, хотя расслоение в деревне сейчас больше, чем оно было до сплошной коллективизации. Но все это мелочи. Еще в большей степени, чем цифры роста реальных доходов рабочих с 1913 г., официальные цифры роста крестьянских доходов с 1913 г. — фальшивка. Объявляют цифру в расчете, что в СССР никто не посмеет сказать, что это ложь, и что за границей найдутся легковверные, которые примут это на веру.

В задачи этой заметки не входит оценка достижений Советов за 40 лет. Но самый факт, что эти достижения приходится преувеличивать во много раз, сам за себя говорит.

* В указанном в начале этой статьи номере «Сельского Хозяйства» эта цифра уже несколько подправлена. Теперь уже оказывается, что «денежные и натуральные доходы трудящихся крестьян от общественного и личного хозяйства, за вычетом налогов и сборов, по расчету на одного работающего, в 1956 году по сравнению с 1913 годом возросли в сравнимых цифрах в 4,4 раза». По официальным исчислениям реальный доход крестьян, исчисленный на одного работающего, увеличился в 1954 году (по сравнению с предыдущим годом) на 10%, в 1955 году на 7%, в 1956 году на 12%, т. е. за три года на 32%. Если увеличение реальных доходов крестьян на одного работающего возросло с 1913 по 1953 год в 6,8 раза, то, значит, с 1913 по 1956 год оно увеличилось в 9 раз. Это более, чем вдвое превышает предлагаемый сейчас показатель: увеличение в 4,4 раза. Но и этот последний показатель — просто очковтирательство.

Ю. ДЕНИКЕ

НЕОБХОДИМАЯ КОАЛИЦИЯ

После проигранного сражения естественно встает вопрос об ответственности за поражение. Встал этот вопрос и после того американского поражения, которое возвестил миру советский искусственный спутник земли. Но после сражения в буквальном смысле никому не может прийти в голову пытаться снять вопрос об ответственности утверждением, что никакого поражения нет, так как и сражения вовсе не было. Между тем именно к такой попытке свелись исходившие из официальных американских источников комментарии по поводу «спутника». Да и сам президент Эйзенхауер в сущности говорил так, как будто ничего особенного не случилось и со стороны его администрации не было никаких упущений. Он, наверное, был совершенно искренен. И это, пожалуй, хуже всего, потому что показывает, в какой мере президент находился в неведении того, что происходило в подчиненных ему ведомствах, и за что в конечном счете именно он должен нести полную ответственность.

В речи, которую президент произнес 22 октября в Нью-Йорке, он выразил свою «непоколебимую веру в способность информированных свободных граждан решить всякую проблему». Но при американской политической системе для этого прежде всего нужно, чтобы сам президент был таким «информированным гражданином», а Эйзенхауер, как теперь окончательно обнаружилось, таковым не был. Конституционный монарх может не знать, как решаются проблемы обороны в его стране. Это мало вероятно, но большой беды в этом не было бы, потому что не монарх руководит деятельностью его правительства: он царствует, но не управляет. А американский президент и царствует, то есть выполняет формальные функции главы государства, и управляет, являясь главой правительства, ответственного только перед ним. Тем не менее было бы опасной ошибкой утверждать, что только на президенте лежит вся ответственность за нынешнее положение. Президент является высшей точкой длинной цепи ответственности, которая, проходя через множество промежуточных звеньев, доходит до простых граждан американской демократии.

Что-то гнило в датском государстве! В наши дни шекспировский герой мог бы сказать: что-то гнило в великой американской демократии. Ее величие бесспорно. И тем не менее год за годом ее престиж в мире опускается все ниже и ниже, другие страны теряют доверие к ней, американская дипломатия идет от одного неуспеха к другому, соотношение сил в мире явно меняется не в пользу Америки и вообще демократии, холодная война, в которой на стороне демократии Америка играет руководящую роль, проигрывается, если уже не проиграна. Пятипудовый шар, ле-

тающий вокруг земли, страшен не сам по себе, а тем, что он символизирует и внушает миру.

Но мы должны его приветствовать — и не только как замечательные достижения науки и техники. Прорвавшись через атмосферу, советский спутник в то же время прорвал и тот покров тайны, который скрывал от американских граждан правду о том, как идет соревнование в развитии новой самой могучей военной техники, да и правду о многом другом. Однако ответственность лежит и не только на тех, кто эту правду скрывали и от нации и от конгресса и от самого президента, не только на тех, кто успокаивали, но и на всех тех, кто слишком уже легко поддавались этому успокоению. Правда, раздавались и тревожные предостерегающие голоса, но страна в своем большинстве предпочитала более приятные звуки. Его величество налогоплательщик прежде всего хотел уменьшения его налогового бремени, конгресс старался угодить налогоплательщикам, за чьи голоса борются обе партии, правительство старалось соревноваться с конгрессом в бережливости и сокращало необходимейшие расходы, чтобы избежать непопулярного обращения к конгрессу с просьбой повысить устанавливаемый законом предел размеров государственного долга. Легче всего было сокращать расходы, связанные с такими научными исследованиями, которые не дают немедленных практических результатов.

Я не могу дать здесь анализ состояния американского общества, который стоит в порядке дня, и которому должны уделить немало интеллектуальной энергии и времени люди более компетентные в этой области. Америка нуждается в своего рода реформации, которая может и должна начаться как можно скорее, но не может совершиться в короткий срок. Но существующее положение не может продолжаться, не подвергая очень серьезной, может быть, роковой опасности и Америку и демократии во всем мире. Что-то должно быть сделано немедленно, не дожидаясь осуществления более глубоких, но и гораздо более медленных преобразований. Вопрос «что делать?» стоит сегодня, и с ответом на него нельзя ждать три года. Не имея готового ответа, нужно по крайней мере его искать, что я и пытаюсь делать.

От редакции: Статья Ю. П. Денике написана для американского журнала «Нью Лидер» и освещает поставленный в ней вопрос, как американскую проблему. Русскому читателю она может облегчить понимание сложности создавшейся обстановки.

Ответственных за поражение генералов смешают и заменяют другими. В парламентских странах, где правительства ответственны перед парламентом, так же поступают и с правительствами. Ни в одной парламентской стране не могло бы удержаться у власти правительство, в такой мере обнаружившее свою неспособность, как ее обнаружило теперешнее американское правительство. Но в Америке демократия не парламентарная, а так называемая «президентская». Ни президент ни министры перед конгрессом не ответственны. Президент в течение четырех лет несменяем, а министры — по американской терминологии «секретари» различных ведомств — ответственны только перед президентом. Обсуждать сейчас, какая система лучше, было бы праздным занятием. Требовать изменения существующей системы, то есть радикального изменения

конституции, было бы совершенно утопично. Нужно думать о том, что можно сделать при существующей системе и как можно в данный момент улучшить ее функционирование, не меняя конституции.

Я вообще не думаю, что можно было бы решить, что та или другая система «плоха» или «хороша» сама по себе. Каждая имеет свои преимущества и свои недостатки. Идеальной системы демократии, совмещающей достоинства различных систем, но свободной от их недостатков, а к тому же пригодной для всех и при всех обстоятельствах — такой идеальной системы нет и, вероятно, быть не может. Одна и та же система может прекрасно функционировать в одной стране и очень плохо в другой, хорошо в один период и много хуже в другой. В парламентских странах, в которых имеется много партий и неизбежны коалиции, парламентская демократия может оказаться, как во Франции, в состоянии перманентного кризиса. Во Франции всегда очень легко свергнуть правительство, но очень трудно, а часто и невозможно образовать устойчивую правительственную комбинацию. Но в Англии парламентаризм функционирует без таких трудностей, потому, что при двухпартийной системе там всегда имеется наготове альтернативное правительство. В Америке функционирование двухпартийной системы осложняется рядом факторов, влияние которых надо учитывать, ища выхода из нынешнего тупика.

Прежде всего при американской системе возможно, что правительство, то есть президент не имеет большинства в конгрессе, в одной из законодательных палат или даже в обеих палатах, как это имеет место сейчас. В ноябре прошлого года народ огромным большинством выбрал республиканского президента, но дал демократам большинство в сенате и палате представителей. Справиться с таким положением в данное время было бы по силам разве только президенту, обладающему большой энергией и исключительными способностями. У Эйзенхауера нет ни того ни другого, нет к тому же и полной работоспособности. Демократическая партия, располагая большинством в обеих палатах, в то же время остается партией оппозиции и вовсе не заинтересована в политических успехах правящей, но не имеющей большинства, республиканской партии. И это ненормальное, даже прямо-таки уродливое, положение не является случайностью, но отражает глубокие причины, которые мешают правильному функционированию американской двухпартийной системы.

Республиканской партии удалось стать партией правительственной благодаря личной популярности ее кандидата — генерала Эйзенхауера. До этого она была в оппозиции в течение двадцати лет, оставаясь без достаточного притока свежих сил, привлекаемых перспективой активного участия в государственной деятельности. В своем большинстве республиканская партия, по крайней мере большинство в ее руководящем слое, окостенело на старых позициях, какими они были до тех громадных перемен, которые произошли в период президентства Рузвельта. «Современный республиканизм», который хотел бы возглавить Эйзенхауер, пользуется, вероятно, симпатиями большинства республиканских избирателей, но парализуется антагонизмом большинства влиятельных республиканских политиков. Президент фактически не имеет большинства ни в конгрессе, ни в собственной партии, фактически

находящейся в оппозиции и к большинству конгресса и к президенту, которого она вынуждена поддерживать — против воли и далеко не последовательно.

С другой стороны, двадцатилетнее пребывание у власти оказало отрицательное, деморализующее влияние и на демократическую партию. В 1952 году многие, несколько не сочувствуя республиканцам, считали необходимым смену правительственной партии, чтобы восстановить нормальное функционирование двухпартийной системы, а также надеясь, что пребывание в оппозиции будет способствовать оздоровлению демократической партии. Я принадлежал к сторонникам этого мнения, которое разделялось и некоторыми видными демократами. Теперь видно, что в этом расчете была большая ошибка. Правда, демократической партии пребывание в оппозиции пошло на пользу, но заплатить за это пришлось слишком дорогой ценой. И в ноябре прошлого года эта ошибка не была исправлена: республиканский президент был переизбран, и мы должны считаться с тем, что, несмотря на все неудачи и поражения в особенности последнего года, он еще останется у власти еще в течение трех лет. Переход власти к демократам до окончания этого срока невозможен. Но значит ли это, что не может быть никакого альтернативного правительства?

Самый вопрос может показаться бессмысленным. Если президент остается, то при существующей системе, возможно только его правительство. Это, конечно, совершенно верно, но отсюда не следует, что правительству того же президента не может быть придан другой характер, более соответствующий требованиям критического времени. Вопрос в том, как может быть образовано правительство, пользующееся доверием нации, авторитетом в конгрессе и в то же время компетентное. В условиях, которые я только что кратко обрисовал, таким не может быть ни правительство республиканское, не имеющее большинства в конгрессе и уже скомпрометированное своей неспособностью, ни демократическое, потому что главой его неизбежно должен быть республиканский президент, который не может отречься от партии, которая выставила его своим кандидатом; он этого, конечно, и не хочет. Остается только одна возможность: какая-то форма коалиции. То, что порой является бедствием парламентарных демократий, может оказаться спасительным в президентской американской демократии.

Известная коалиционная практика не чужда американской политической жизни. Я имею в виду не те случаи, когда, как это было при Рузвельте, в правительстве одной партии входили министры, принадлежавшие к другой партии. Участие таких республиканских министров в кабинете демократического президента не связывало и ни к чему не обязывало республиканскую партию. Нельзя приписать коалиционный характер и сложившийся в последние годы президентства Рузвельта т. н. «двухпартийной внешней политике», которая никогда не функционировала иначе как очень спорадически и слишком зависела от личности того или иного лидера оппозиционной партии (например, сенатора Ванденберга). Но по отдельным вопросам в конгрессе часто образуются «коалиции» или «блоки» не партий в их целом, но отдельных частей или «крыльев» той и другой партии. Эта практика является даже вполне естественной вследствие того, что каждая из партий объединяет весьма разнородные

элементы, имея своих «либералов» и «консерваторов», «прогрессистов» и «реакционеров». Это в некоторых случаях прямо-таки вынуждает образование «прогрессивных» или «консервативных» коалиций, не находящих однако отражения в составе правительства и формально ничем не закрепляемых. Не имеющий парламентского большинства президент и не может править иначе как посредством таких коалиционных комбинаций. Но, если имеется острая потребность в компетентном и авторитетном правительстве, то является вполне логичным закрепление подобной коалиционной комбинации в составе правительства. И, если эта потребность сознается достаточным количеством представителей обеих партий, то образование такой коалиции может быть вполне осуществимым.

Как возможно преобразование правительства на основе такой, если не коалиции в обычном смысле, то «своего рода коалиции»? Я представляю это себе таким образом. В основе должен, конечно, лежать междупартийный сговор. В отличие от полной коалиции этот сговор может распространяться не на все области управления, а только на те, где сейчас необходимо в буквальном смысле спасать положение — на оборону, внешнюю политику и, чтобы обеспечить необходимую кооперацию в финансовых вопросах, на ведомство финансов и бюро бюджета. Вряд ли какая-либо платформа соглашения может найти единодушное одобрение обеих партий в обеих палатах. Необходимо и достаточно, чтобы за соглашением стояло в каждой партии прочное большинство. Это неосуществимо в условиях «дел как в обычное время», но, чего нужно добиваться, может быть осуществлено в тех исключительных условиях, которые обнаружились теперь с такой разительной очевидностью. Соглашение должно привести к образованию комитета из влиятельных представителей обеих партий, преимущественно тех, кто специализировался в областях, на которые распространяется соглашение. Такой комитет вместе с президентом устанавливает основные линии политики и подбирает кандидатов для изменений личного состава в руководстве соответствующих ведомств, начиная с их «секретарей», то есть министров. Необходимой частью соглашения должно быть строгое проведение принципа, что личные перемены производятся не по признаку партийной принадлежности, а на основании бесспорной деловой квалификации. Такой компетентный гремиум, конечно, не оставил бы Вильсона на посту министра обороны. Я ничего не знаю об его преемнике: может быть, он обладает нуж-

ной квалификацией. Однако для авторитета правительства желателен выбор человека, уже известного своей заботой об интересах обороны. У людей, компетентных в вопросах внешней политики, вряд ли могут быть различные мнения о том, в какой мере несостоятельной оказалась внешняя политика, как она велась за 5 лет республиканской администрации. Тут, конечно, нужно ожидать сопротивления со стороны президента, преодолеть которое будет нелегко, но абсолютно необходимо.

То, что я предлагаю, похоже на «национальное единение», которое само собой возникает во время войны. Но разве и сейчас положение не заставляет исходить из того, что «отечество в опасности»? И не только отечество в буквальном смысле — то есть для американских граждан Соединенные Штаты Америки. В опасности вся та часть человечества, которая находится под угрозой советской экспансии. Я думаю не о большой войне, которую не только не считаю неизбежной, но для предвидимого будущего считаю мало вероятной. В Москве знают, что в случае войны и Советский Союз не избежит огромных разрушений. Но совершенно актуальна опасность ряда мирных завоеваний, которые постоянно будут одну нацию за другой приводить к безнадежному убеждению, что мощь Советского Союза является непреодолимой. Теперешняя политика Америки является слишком слабым противодействием этой силе. И это в значительной мере потому, что вследствие этой политики в глазах внешнего мира Америка представляется менее сильной, чем она есть в действительности.

Оглядываясь на последние пять лет, получаешь впечатление, что все это время Америка жила не в реальном, а в воображаемом мире. Это за сравнительно немногими исключениями относится и к правительству и к конгрессу и к простым гражданам. Пора проснуться и вернуться к реальности. Мы живем в опасном мире, и его опасность не воображаемая, а вполне реальная. За эти годы одни слишком много успокаивали, а другие слишком легко успокаивались. Пробуждение началось благодаря советскому спутнику. Чтобы его закрепить, не допустить ни возврата к благодушному самоуспокоению, ни вырождения законной тревоги в истерическую панику, нужно действовать, не останавливаясь перед мерами, на первый взгляд слишком необычными. Такой необычной, но необходимой мерой и является на мой взгляд образование выше описанной коалиционной комбинации.

Парижская контора «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВЕСТНИКА» просит подписчиков журнала переводить деньги за подписку банковскими чеками, мандатами или взносами на текущий почтовый счет **PRESSE FRANCAISE et ETRANGERE, Paris 2504-91**. На отрезках мандатов и в письмах указывать, что деньги посылаются на «Социалистический Вестник» («Le Courrier Socialiste»).

ПЛАТА ЗА ГОДОВУЮ ПОДПИСКУ во Франции и ее владениях — **600 фр.**, за-границу — **1.200 фр.**

Подписка принимается также в бюро **PRESSE FRANCAISE et ETRANGERE: 11, rue Royale, Paris 8^e.**

Л. БЛИТ

БРИТАНСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ НА ПОДЪЕМЕ

(Письмо из Лондона)

Всего через несколько часов после того, как закончился 56-ой съезд (по английски «конференция») рабочей партии в Брайтоне, московское радио сообщило о запуске первого искусственного спутника земли. Если это исключительной важности техническое достижение несколько приблизит мир к окончательной схватке гигантов, вопрос о том, кто в ближайшие годы будет править Великобританией из Вестминстера, утратит свое значение, так как тогда не будет Вестминстера да, пожалуй, и нечем будет править. Но если удастся предотвратить надвигающийся военный кризис, люди останутся непосредственно заинтересованными в том, какой характер примет их повседневная, часто очень мало героическая жизнь. И когда вчерашнее, пусть неустойчивое, равновесие сил Запада и Востока будет восстановлено, борьба за души людей вновь станет основой борьбы между демократией и тиранией. И то, как Запад справится со своими не только экономическими, но и социальными и культурными проблемами, решит в конечном счете исход борьбы, в которую все мы сейчас вовлечены.

Съезд рабочей партии протекал в оптимистических настроениях. Английское социалистическое движение всегда носило умеренный и реформистский характер; ему чужды были романтические мечты о всё изменяющей революции. Может быть, поэтому оно свободно сейчас и от ощущений обреченности, которые часто давят на настроения их соседей по ту сторону Ла-Манша. И какие бы сигналы ни подавал «Спутник», англичане ведут себя так, как этого и можно ожидать от людей, которые уверены в сохранении своей свободы.

Оптимизм съезда рабочей партии имел своим источником положение, которое создалось для партии в стране. Шесть лет господства консервативного правительства заканчиваются его банкротством — экономическим и моральным. Урон, а то и поражения, которые терпели в последние годы консерваторы, каждый раз когда население призывалось к избирательным урнам (главным образом на дополнительных выборах в парламент), свидетельствуют о том, что не только так называемые «блуждающие избиратели» (т. е. избиратели, не чувствующие себя связанными ни с одной партией и голосующие то за одну, то за другую; таких в Англии насчитывают не менее двух миллионов), но часто и лояльнейшие консервативные избиратели теряют веру в правительство консервативной партии. Никто не знает, доживет ли теперешний парламент до конца своих полномочий (через два года) или будет распущен ранее вследствие растущей неспособности правительства противостоять крепнувшим анти-консервативным силам в стране. Но всё говорит за то, что на ближайших выборах произойдет такой же резкий сдвиг, какой произошел уже однажды в июле 1945 года и привел к образованию первого послевоенного рабочего правительства (Эттли).

Уже осенью 1955 года, через несколько месяцев после избирательной победы правительства Идена, рабочая партия постановила на своем съезде начать разработку новых планов и идей для будущего рабочего правительства. На съезде в 1956 году в этой связи был принят ряд политических документов, основной чертой которых, как это мне представляется, следует считать признание определяющего значения идеи социального равенства для всей концепции британского социализма. Это была подготовка к тому, чтобы признать подчиненный характер идеи передачи в руки государства средств производства. В 1957 году съезд партии принял еще ряд программных постановлений, из которых важнейшим нужно считать постановление по вопросу «о промышленности и обществе». Оно намечает линию практической политики рабочей партии в вопросе о праве собственности на средства производства.

Читателям «Социалистического Вестника» не приходится напоминать, какова была традиционная социалистическая точка зрения в этом вопросе. Рабочая партия тоже стояла за обобществление — путем передачи в руки государства — всех средств производства, распределения и обмена. В 1919 году Сидней Уэбб внес это положение в программу партии. Но собственный опыт рабочей партии после 1945 года и результаты полной национализации в коммунистических странах заставили английских социалистических вождей вновь продумать эту проблему. И даже больше, чем экономические соображения, опасения предоставить слишком много власти правительству, — какому бы то ни было правительству, всегда слишком могущественному по сравнению с личностью гражданина, — заставили английских социалистов пересмотреть свое безоговорочно положительное отношение к государственной собственности.

Споры, которые велись в последние годы в партии, в профессиональных союзах, во многочисленных дискуссионных группах, играющих такую плодотворную роль в политической жизни Англии, завершились принятием на съезде в Брайтоне упомянутого выше решения. Рабочая партия отнюдь не сожалеет, что правительство Эттли проводило политику национализации и национализировало около 20 процентов английской промышленности. Национализации подверглись «базисные» отрасли промышленности, необходимость «контроля» которых государством и сейчас не вызывает в партии сомнений. Некоторые из них, как угольная промышленность и железнодорожный транспорт (по английской терминологии составляющий часть промышленности), дошли в руках частных собственников до такого состояния, что только государственные субсидии позволяли им продолжать свое существование. Это была жалкая карикатура на систему хозяйства, построенную на принципе частной инициативы.

Рабочая партия полагает, что производство стали, национализированное при правительстве Эттли, но денационализированное консерваторами в 1952 году,

СЕВЕРИН БЯЛЕР

ФОРМИРОВАНИЕ ГОМУЛКОИЗМА

В настоящее время, вероятно, во всех коммунистических партиях, особенно в странах-сателлитах, имеются отдельные вожди или даже целые группы, которые по существу являются сторонниками независимой коммунистической политики, получившей в Польше название «гомулкоизма». В этом смысле гомулкоизм приобрел в какой-то мере международный характер, сложившийся не только, может быть, даже не столько под влиянием польской обстановки, сколько под влиянием кризиса, переживаемого международным коммунистическим движением и являющегося в свою очередь отражением идеологического кризиса, переживаемого советским коммунизмом.

Встает, однако, вопрос: Почему именно в Польше гомулкоизм стал такой силой? Почему он превратился здесь в массовое движение и завоевал руководство в партии и государстве? Верно, что личность Гомулки сыграла здесь известную роль. Но не надо ее преувеличивать. Гомулка, как индивидуальность, не гигант, ни по своим интеллектуальным качествам, ни по своим качествам как вождя движения. Отдавая должное огромной роли, которую он сыграл в польских событиях осени прошлого года, необходимо все же отметить, что не Гомулка вызвал решительный по-

ворот в развитии судеб Польши, а, напротив, развитие событий сделало Гомулку тем, чем он остается до сих пор, — символом победоносного сопротивления Кремлю внутри коммунистического движения.

Стечение ряда обстоятельств, характерных для Польши или по крайней мере более типичных для нее, чем для других стран, было источником победы гомулкоизма в Польше. Это стечение обстоятельств, придавшее в Польше массовый характер гомулкоизму и обеспечившее возвращение Гомулки к власти, сводится к следующему:

Польша в течение большей части ее новейшей истории была лишена независимости и оставалась разорванной на три части, все три под иностранным господством. При этом иностранное господство в Польше приобрело очень суровый характер, особенно враждебный всем проявлениям национального сознания. Все это привело к тому, что чувства национализма и патриотизма пустили в польском народе особенно глубокие корни.

Вековой исторический опыт польского народа воспитал в нем исключительную способность сопротивления денационализации и создал прочную традицию национальной борьбы за освобождение, не раз проявлявшейся открыто с мужеством отчаяния.

должно быть вновь поставлено под контроль нации. Но на этом, повидимому, будущее рабочее правительство и остановится на продолжительный период. Вместо дальнейшей национализации огромное большинство съезда высказалось за то, что общественная собственность не должна непременно принимать форму национализации и что смешанная экономика, принятая в качестве основы складывающейся демократическо-социалистической Англии, может быть в значительной мере осуществлена путем приобретения государством пакетов акций в существующих крупных акционерных предприятиях. Эта программа была принята на съезде 5.309.000 голосов против 1.276.000. Но и меньшинство не стояло за отклонение этой программы, а лишь за передачу ее в центральные учреждения партии для дальнейшего обсуждения.

В течение ряда лет, особенно с 1950 года, английское социалистическое движение резко делилось — по идеологическим настроениям — на тех, кто искал новых решений по основным вопросам, стоящим перед движением, и традиционалистов, которые готовы были видеть измену во всяком отступлении от социалистической традиции. Эньюрин Бибан, вероятно, лучший политический оратор в Англии после Черчилля, был лидером ортодоксов социализма. Сейчас он оставил их. Британская рабочая партия, самая большая социал-демократическая партия в мире, стала после войны во главе тех, кто пытаются в Европе эмпирически — и никогда не догматически — найти пути к созданию более справедливого общества. Съезд в Брайтоне, по всем признакам, явится этапом в развитии этой эмпирической социал-демократии.

На Бивана выпала задача, на этот раз в качестве соратника стоящего во главе партии Юза Гэйтскила, дать духовную встряску многим в рабочей партии и вне ее, в Англии и в других странах, кто все еще верят, что достаточно с доверием и благожелательностью отнестись к Хрущеву и Жукову, чтобы сделать их честными партнерами в демократическом мире. Резолюция о разоружении, вокруг которой сосредоточились на съезде дебаты по вопросам внешней политики, требовала от будущего рабочего правительства отказа от испытаний, производства и образования запасов термоядерного оружия. Тем самым резолюция эта апеллировала не только к влиятельной в Англии — и не только в рабочей партии, но и среди христианских социалистов, и среди либералов — пацифистской традиции, но и к симпатиям тех, — а таких в Англии немало, — кто думают, что Англию нельзя защищать с помощью «нового оружия». Но после драматических прений, во время которых Биван в первый раз в своей жизни защищал решение английского правительства, одобренное и парламентской фракцией рабочей партии, о производстве собственных запасов оружия, — конференция отклонила резолюцию о разоружении большинством более 5 миллионов, т. е. 87 процентами голосов.

Съезд демонстрировал популярность Гэйтскила в роли вождя британской рабочей партии, а лояльность Бивана по отношению к новому партийному руководству положила конец «биваннзму», который в течение ряда лет был источником ослабления партии. Если Спутник и ракетные снаряды не изменят хода истории, в Англии, по всем признакам, вскоре создастся очень энергичное рабочее правительство.

В трудящихся массах Польши особенно сильно были развиты враждебность, а в некоторых слоях и прямая ненависть к немцам и русским. В отношении России чувства эти питались не только воспоминаниями о долгих годах национального угнетения при царском режиме, но и воспоминаниями о советском вторжении в Польшу в 1920 году, о предательском разделе Польши в 1939 году между гитлеровской Германией и Советским Союзом, о массовых убийствах польских офицеров в Катыни, о депортации в Советский Союз и заключении в тюрьмы и концлагеря многих десятков поляков в годы войны и после войны, и пр. Поэтому в Польше и особенно среди молодого поколения очень глубоко укоренилась ненависть не только к России вообще, но и в особенности ненависть к Советской России. Даже средний член партии, солдат или даже молодой офицер в этом отношении часто не очень отличается от молодого непартийного рабочего или крестьянина.

Большое значение имеет и атмосфера, господствующая в среде партийного актива, даже в среде так называемого центрального актива, и в особенности в среде партийной интеллигенции, атмосфера, на которой сказываются горькие воспоминания о былом «сотрудничестве» польских коммунистов с советской компартией. В 1938 году польская компартия была объявлена Сталиным распушенной на том основании, что она будто бы пронизана провокацией и изменой. За исключениями, которые можно буквально сосчитать по пальцам, все члены польского ЦК были расстреляны в России или отправлены в концлагеря, где они бесследно исчезли. Насколько всеобъемлющий характер носила эта чистка, равной которой не пережила ни одна партия, можно судить по тому, что ни один из членов послевоенного Политбюро не был до войны членом ЦК партии. Единственный оставшийся еще недавно в живых в Польше член довоенного ЦК, Францишек Фидлер, умерший в 1956 году, уцелел в свое время только потому, что во время чистки он находился во Франции. В теперешнем аппарате ЦК я мог бы назвать множество лиц, в то или иное время подвергшихся преследованиям в Советском Союзе. И не случайно в польском партийном активе была популярна в 1955 году следующая горькая шутка: «Напрасно компартия Франции притязает на название партии расстрелянных (т. е. расстрелянных немцами). Это имя скорее принадлежит нашей партии. Но не Охранка и не Гестапо убили столько наших товарищей, а Советы и НКВД».

Экономическое положение Польши в 1951-1956 годах было самым тяжелым среди всех стран-сателлитов, кроме Венгрии. Хотя уровень жизни в Польше уступал в коммунистическом мире только уровню жизни в Чехословакии и Восточной Германии и хотя в Польше имелась развитая промышленность и значительные естественные богатства, — падение реальной заработной платы, прогрессивная дезорганизация промышленности, экономические диспропорции и явное отставание сельского хозяйства от потребностей страны из года в год сказывались все резче. На причинах этого, может быть, можно будет остановиться когда-либо в особой статье. Сейчас я хотел бы это только отметить.

Необходимо упомянуть здесь еще об одном факторе экономического и политического характера — о коллективизации крестьянского хозяйства в Польше. К 1955 году, после шести лет коллективизации, в колхозах сосредоточивалось лишь около 9 процентов обрабатываемой земельной площади и на долю их приходилось около 7 процентов сельскохозяйственной продукции. В это же время в других сателлитах соответственные цифры доходили до уровня от 25 до 75 процентов. Этот низкий процент коллективизации в Польше отнюдь не вызывался тем, что в Польше не применялись те методы, к которым прибегали в других странах. Они применялись. Но сопротивление коллективизации в польской деревне было так упорно, что ни экономические посулы, ни прямое принуждение, ни полицейский террор не могли сломить его.

Политические и экономические традиции и собственный опыт трудящихся масс и значительной части партии создали в Польше ту питательную среду, в которой родился и вырос польский «гомулкоизм». Пользуясь популярным термином Ленина, можно сказать, что Польша была самым слабым звеном в цепи советского империализма. Это звено сломалось по иному и с другими последствиями, чем венгерское звено, и это находит свое объяснение в том, что глубокий кризис и сознание необходимости решительных перемен охватили в Польше не только массы, но и партию вплоть до ее верхушки. К этому присоединилось влияние нескольких самих по себе второстепенных обстоятельств. Смерть, вскоре после 20-го съезда КПСС, самого влиятельного польского сталинца Берута, очень облегчившая рост либеральных тенденций в партии, и переход к противникам сталинизма большинства в Политбюро и в ЦК партии еще до октябрьской революции в Польше. В результате этого развития Эдвард Охав, тогдашний 1-ый секретарь ЦК, уступил в октябре свое место Гомулке без тех «дополнительных» шагов, которые Гере предпринял в Венгрии, когда он, передавая власть Надю, одновременно вызвал советские войска. К тому же, в противоположность Венгрии, Чехословакии, Румынии и Болгарии, в Польше в 1943-1953 годах не было процессов действительных или мнимых «титовистов», в связи с чем Гомулка остался в живых и, снятый в 1948 году с должности 1-го секретаря ЦК, приобрел большой авторитет и даже ореол мученика вместе со своими ближайшими товарищами — теперешним министром обороны Марианом Спихальским, министром просвещения и идеологом Гомулки Владиславом Беньковским, председателем Центрального Совета профсоюзов Логой-Совинским, заведующим отделом кадров ЦК Зеноном Клышко, бывш. генералом полиции госбезопасности Мочаром, бывш. начальником польской разведки и командующим войсками госбезопасности Комаром и многими другими.

*

Победа гомулкоизма в Польше стала возможной в обстановке изменений, происшедших в коммунистическом мире в послесталинский период, но основные черты гомулкоизма начали складываться еще задолго до того. Гомулка был с 1944 года генеральным секретарем партии. В 1944-1948 годах его авторитет

и роль вождя не оспаривались. До июня 1948 года разногласия между ним и другими членами Политбюро и ЦК никогда не выступали наружу. Кремль открыто поддерживал Гомулку и не было никаких признаков, что втайне он подкапывается под него. Но в июне 1948 года, на очередном пленуме ЦК, Гомулка выступил с докладом о традициях польского коммунистического и социалистического движения. Доклад был подготовлен без предварительного обсуждения его с членами Политбюро и тезисы Гомулки натолкнулись на решительную оппозицию большинства Политбюро и ЦК. Прения, принявшие острый характер и не приведшие ни к какому соглашению, остались для партии тайной и Гомулка «уехал в отпуск». В июле того же года, в отсутствие Гомулки, вновь собрался пленум ЦК и взгляды Гомулки были подвергнуты здесь суровой критике, но как бы анонимно, без того, чтобы имя Гомулки было названо, и пленум даже послал находящемуся «в отпуску» Гомулке телеграмму с пожеланиями «выздоровления». Одновременно объявлено было об открытии в партии широкого обсуждения основных проблем партийной политики. На созванном в конце августа пленуме ЦК Берут, президент Польской республики, произнес речь «о националистическом и правом уклоне в партии», дискуссия между Гомулкой и его противниками продолжалась три дня и Гомулка был снят с поста 1-го секретаря, но еще оставлен членом ЦК. Вместе с ним были сняты с руководящих постов и ряд его сторонников. Подробный отчет о прениях на пленуме подвергся широкому обсуждению в партии в рамках подготовки к созванному в декабре 1948 года съезду партии. Гомулка выступил на съезде с большой речью, которая вызвала суровую критику со стороны членов Политбюро. Все же Гомулка был вновь избран в ЦК партии. Но в 1949 году нападки на него и его друзей становятся все резче. Гомулка, правда, остается еще на свободе, но фактически он отстранен от партийной работы и в декабре 1949 года пленум ЦК обвиняет его и ряд его товарищей в содействии принятию в партию агентов буржуазии, в политической слепоте, в отсутствии бдительности и во фракционной деятельности и исключает их из партии. Еще через год Гомулку арестуют и начинаются приготовления к суду над ним, который по разным причинам так и не состоялся.

Дискуссия между Гомулкой и сталинским ядром ЦК в 1948/1949 годах позволяет выяснить основные черты политической концепции Гомулки, приведшей его к конфликту с московским коммунистическим руководством. Гомулка несомненно был решительным сторонником союза и сотрудничества Польши с СССР. Но он рассматривал польско-советские отношения прежде всего, как отношения между государствами, а не как отношения между партиями. Он с большой настороженностью относился к попыткам превращения Польши в сателлита Советского Союза и не скрывал, что он относится отрицательно не только к ограничениям национального суверенитета Польши, но и к ограничениям суверенитета польской партии в пользу КПСС. Он поэтому проявил большую сдержанность, когда в 1947 году встал вопрос об образовании Коминформа, опасаясь, что Коминформ усилит вмешательство КПСС в жизнь других коммуни-

стических партий. В речи, которую он произнес после учреждения Коминформа, он энергично подчеркнул, что и после образования Коминформа польская партия чувствует себя свободной. А в своей речи на съезде партии в декабре 1948 года он выступил против опасности космополитизма, приспособляясь к тогдашней советской терминологии, но используя ее для предостережения против опасности потери свободы Польши в пользу Советского Союза.

Гомулка пытался не связывать послевоенную польскую партию с традициями польской компартии, как она существовала до войны. Он часто повторял: «Мы новая партия». Он подчеркивал, что партия эта, в отличие от довоенной компартии, должна быть независима от Москвы, что в центре внимания для нее стоит вопрос о независимости Польши и что интересы классовой борьбы для нее тесно переплетаются с национальными интересами.

Эта установка Гомулки в отношении коммунистической традиции в Польше оказала решающее влияние и на его установку в отношении польской социалистической традиции. Он не скрывал, что, по его мнению, не коммунисты, а социалисты были правы в вопросе о независимости Польши. Он хотел осуществить в послевоенной партии синтез социалистической программы в национальном вопросе с коммунистической программой в социальных вопросах. Эти его взгляды определили и путь, на котором он стремился добиться объединения социалистической и коммунистической партии*. «Мы не повторим венгерской ошибки», говорил он: «Все социалисты должны объединиться в одной партии».

Гомулка был противником коллективизации по советскому образцу. Он не раз заявлял, что советский тип коллективизации не отвечает особенностям польского крестьянства. Он определенно отвергал применение силы при проведении коллективизации. Утверждение, что партия осуществит коллективизацию в Польше, он в 1948 году называл «враждебной пропагандой». Когда зимой 1947/48 года в Польше были созданы первые государственные машинные станции для предоставления крестьянам возможности в порядке найма пользоваться крупными сельскохозяйственными машинами, он боролся против установления различных ставок за пользование услугами станций в зависимости от размеров крестьянского хозяйства. И в вопросах промышленного развития Гомулка занимал позицию, отличную от позиции его сталинских преемников. Под его влиянием былработан первый народнохозяйственный план Польши, так называемая Трехлетка (1947-1949). В этом плане о «преимущественном развитии тяжелой промышленности» просто не упоминалось, и сам Гомулка называл этот план «планом сытости».

Необходимо отметить, что Гомулка по ряду вопросов отстаивал решения, отличные от характерных для советской компартии, еще во время войны, в период оккупации Польши гитлеровскими войсками и подпольной деятельности компартии. Так, его взгля-

* Слияние с коммунистической партией того, что на легальной арене в это время было Польской Социалистической Партией (ППС), произошло в декабре 1948 года на упомянутом уже съезде компартии.

ды на задачи и характер национального фронта борьбы против оккупантов были отличны от взглядов Москвы и тогдашнего большинства Политбюро. Он стоял за сотрудничество коммунистического и не-коммунистического подполья в борьбе против немцев. Это шло в разрез с советскими планами, которые привели к трагедии Варшавского восстания 1944 года, к разрушению Варшавы и к гибели многих десятков тысяч борцов за свободу.

После всего сказанного перед читателем естественно встают два вопроса: Как это московское коммунистическое руководство в течение ряда лет толерировало Гомулку в роли первого секретаря компартии? И почему в 1948 году возник конфликт с Гомулкой?

Прежде всего необходимо отметить, что избрание Гомулки первым секретарем ЦК в период подпольной деятельности партии в 1944 году было результатом не столько исключительно высокой оценки его московским коммунистическим руководством, сколько совпадения ряда обстоятельств. Выбор для Москвы не был легок. Как уже упоминалось выше, руководящие кадры старой польской компартии были уничтожены. Когда в первой половине 1942 года Москва решила послать в Польшу (сбросить с аэроплана) группу польских коммунистов для руководства коммунистическим подпольем, подобрать эту группу стоило больших усилий. Гомулка тоже был в этой группе, но он не предназначался для занятия поста первого секретаря ЦК, а лишь для принятия на себя обязанностей областного секретаря. Первым секретарем был намечен Марселий Новотко, второе место занял Павел Финдер. Но после нескольких месяцев подпольной работы Новотко был арестован немцами и расстрелян, а еще через несколько месяцев был схвачен и тоже расстрелян и Финдер. В этих условиях и выдвинулся на первое место Гомулка, бывший в это время секретарем Варшавской организации партии. Избрание его первым секретарем было в известной мере продиктовано необходимостью. Выдвигнувшийся в период подпольного существования партии на первое место, Гомулка ко времени освобождения Польши приобрел большой авторитет и естественно стал во главе партии, когда она вышла из подполья.

В 1944–1948 годах, несмотря на ряд разногласий по частным вопросам*, политическая линия Гомулки и Москвы в основном совпадали. Основной политической задачей компартии в этот период было уничтожение политической оппозиции и обеспечение монопольного положения компартии в польском государстве. Основными экономическими задачами партии были национализация промышленности, проведение аграрной реформы (раздел помещичьих земель между крестьянами) и восстановление разрушений, принесенных войной. Основной задачей в области внешней политики было формальное окончание состояния войны с Германией и закрепление за Польшей восточно-германских областей.

Во всех этих вопросах Гомулка полностью солидаризировался с московским коммунистическим руководством. Он безоговорочно применял заимствованные

у Москвы методы борьбы с политической оппозицией: он охотно пользовался помощью советских войск и советников, фальсифицировал выборы, организовывал «замирение» страны и т. д. Разница во взглядах между ним и Москвой носила в это время скорее лишь потенциальный характер. Это была лишь разница в определении перспектив будущего развития. Гомулка ничего не имел против присутствия советских войск на польской территории и вмешательства их во внутренние дела Польши в форме разносторонней помощи, оказываемой ими компартии в ее борьбе с оппозицией. Но разногласия начались по вопросу о роли советских войск в Польше и вмешательстве Советов во внутренние польские дела, когда партия Гомулки добилась полноты власти в стране. В 1948 г. эта цель была достигнута и польская коммунистическая революция вступила в свою вторую стадию. Перед московским коммунистическим руководством встала задача укрепления сателлитского характера Польши. Разногласия между Гомулкой и Москвой, отодвигавшиеся до того на задний план, проявились теперь резко.

Поражение Гомулки в 1948 году было полным. В каких-нибудь полгода он — лишь с небольшой кучкой единомышленников — оказался в партии в состоянии полной изоляции. Падение его не сопровождалось никаким потрясением и в общественном сознании, что превзошло даже ожидания его противников. Объяснение громадной разницы между таким «спокойным» падением Гомулки в 1948 году и триумфальным и бурным возвращением его к власти в 1956 году нужно искать в том факте, что в противоположность 1956 году Гомулка в 1948 году не пользовался широкими симпатиями ни в партии, ни в народе. Для народа он был в 1948 году символом советской интервенции, символом беззаконий, творившихся политической госбезопасности, символом фальсифицированных выборов. Для многих в партии он был человеком, который, отвергая довоенную коммунистическую традицию, отвергал прошлое партии. Молодое поколение в партии, поднявшееся в годы оккупации, еще охвачено было энтузиазмом по отношению к Советскому Союзу и Сталину, «победителю фашизма», «освободителю человечества» и т. д.** Должны были пройти восемь лет, чтобы Гомулка предстал перед народом, как символ сопротивления сталинизму, символ стойкости и верности принципам, и чтобы и в общественном сознании партии он стал, если и не «идеальным вождем», то все же «лучшим возможным решением».

* Гомулка, например, пытался противодействовать вывозу промышленного оборудования из Польши в СССР и протестовал против поведения советских войск в Польше. Онных войск в Польше.

** Могу показать это на моем личном примере. Я сам принадлежал к этому поколению. Вступив в компартию в период подпольной борьбы с гитлеризмом, когда мне было 15 лет, я, как и большинство активных членов партии моего поколения, в первые годы после окончания войны был ослеплен военной победой Советского Союза и был решительным сталинцем. Только в 1952 году я начал сомневаться и эти смнения привели меня постепенно к разрыву с коммунизмом.